

АНДРЕЙ АНИСИМОВ

ПРИЗРАК С ВОРОНЬЕГО

ХОЛМА

УЖИН С АРИСТОКРАТОМ

Андрей Юрьевич Анисимов
Призрак с Вороньего
холма. Ужин с аристократом
Серия «Призрак с Вороньего холма», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738669

Призрак с Вороньего холма. Ужин с аристократом / Андрей Анисимов: Москва; 2006
ISBN 5-17-03602-8, ISBN 5-271-14446-1

Аннотация

Времена изменились.

Вчерашний нищий "афганец" Олег, выживший в аду войны и выстоявший в кровавой битве с мафиозными группировками, стал одним из богатейших людей нашей страны.

Но он по-прежнему превыше всего ставит честь и верность друзьям – и не позволяет ни купить, ни запугать себя.

Он по-прежнему опасен для многих.

Теперь его враги – не бандиты и продажные менты, а люди, обладающие огромной властью.

Выжить будет непросто...

Олег умеет постоять за себя.

Умеет действовать.

И не боится смерти – ни своей, ни чужой!

Андрей Анисимов

Призрак с Вороньего холма

Роман третий, заключительный.

Ужин с аристократом

Вместо пролога

Такого сопровождения Он не помнил даже в бытность своего президентства. Он ехал в головном “Роллс-ройсе”, за ним машина с охраной, дальше, соблюдая дистанцию в пятнадцать метров, “Беитли” ректора университета сэра Чарльза Вайтли, за лимузином ректора тянулись три огромных автобуса с преподавателями и журналистами, а следом катила армия велосипедистов. Орущую ватагу на колесах составляли студенты, только что прослушавшие его лекцию, те, кто не смог попасть на нее, и теперь изо всех сил давили на педали в надежде увидеть знаменитость поближе, ну и, конечно, болельщики. Его визит англичане превратили в праздник. После лекции начинались заплывы лучших гребных команд университета. В “Роллс-ройсе” рядом с водителем сидел профессор кафедры русского языка, бородатый Томас Слоун, на заднем сидении из светлой лайки Он и неизменный Лева – бывший референт президента, а нынче главный консультант фонда Его имени.

Рассчитанная по контракту на два часа лекция растянулась до трех с половиной за счет вопросов. На вопросы отвечал стоя. Ноги гудели, и Он с удовольствием отдыхал на мягком диване лимузина, мысленно повторял выпады аудитории и свои ответы.

– По-моему, лекция прошла нормально. Как тебе показалось? – Спросил Он помощника, помахав рукой вихрастому парню, который, обогнав и автобусы с преподавателями, и охрану, и “Беитли” ректора, несясь параллельно их лимузину и улыбался во весь рот.

– Главное, что народ в восторге, – ответил консультант: – Мне, кажется, им совершенно все равно, что вы скажете. Им важно увидеть своими глазами человека, который положил конец “империи зла”.

– Спасибо, ты как всегда найдешь ложку дегтя. – Он еще раз помахал рукой вихрастому велосипедисту и отвернулся от окна: – Что у нас дальше по плану?

Лева раскрыл блокнот:

– Сейчас, как вы поняли, нас везут на соревнования университетских команд, приуроченные к Вашему приезду. Затем ужин в городской мэрии и отдых.

Водитель притормозил, потому что кортеж въехал в рыбацкий поселок. “Роллс-ройс” и раньше двигался не слишком быстро, а теперь полз со скоростью деревенской телеги. Жители выстроились живым коридором по обе стороны единственной улицы, бросали в машину цветы, заглядывали в окно, бежали следом. Он опустил стекло и успевал пожимать протянутые руки. Сидевший рядом с водителем профессор Слоун повернулся назад всем туловищем:

– Видите, господин президент, как вас принимают?! А это люди суровые – рыбаки. – Англичане продолжали называть Его президентом, хотя он давно покинул Кремль, да и самой страны, которой Он руководил, уже не существовало.

Ответ прозвучал скромно:

– Даже не ожидал, что и в английской глубинке обо мне наслышаны.

– Ну, деревня Мамблс не такая уж и глубинка. – Гордо возразил рыжебородый профессор: – От нее до Лондона всего три часа езды. Но думаю, господин президент, вы правы. Вас знают и уважают подданные любой части Объединенного Королевства.

Машина остановилась у деревянной пристани, превращенной на время соревнований в амфитеатр для болельщиков. Ему помогли выйти и повели на трибуну. Охрана оттеснила толпу молодежи и репортеров, создавая для Него и отцов университета свободный коридор. Под навесом, на отгороженной канатами площадке их ждали кресла и длинный стол с напитками. Он уселся и вдохнул всей грудью. Впереди, насколько хватало глаз, раскинулось море. Пристань венчала оконечность полуострова Гоувер. Сам полуостров с университетскими корпусами и рыбацким поселком остались позади. Пока они ехали, моросил мелкий дождик, а тут, словно по заказу, тучи раскрыли свой занавес, и солнце вырвалось на волю.

Начальственная ложа быстро заполнялась. По правую руку от Него устроился ректор Чарльз Вайтли, по левую – рыжебородый профессор и его лаборантка Светлана Таторина. Молодая женщина вышла замуж за одного из преподавателей и за один год сумела стать для Слоуна и всей кафедры незаменимой сотрудницей. Сзади Него присел помощник Лева. Дальше расположились принципалы факультетов, заведующие кафедрами и попечители. Остальные преподаватели занимали места за канатом. На Него глядели, Ему улыбались. Его без конца фотографировали. Даже спиной Он ощущал доброжелательное внимание. Он снял шляпу, помахал ей трибунам и положил на стол. В ответ раздался гул приветствий.

Гребцы уже дожидались на старте. У причала покачивался судейский катер. Рефери поднялся на его борт и посмотрел на секундомер.

– Коллега, объясните нашему уважаемому гостю – обратился сэр Чарльз к Томасу Слоуну, – что сейчас здесь произойдет.

Профессор кивнул и заговорил по-русски:

– Господин президент, видите семь экипажей? В каждой лодке по пять человек. Четверо гребцов и рулевой. Они так и называются – четверка с рулевым.

Он ответил:

– Я в студенческие годы сам часто ходил в походы на байдарках и неплохо разбираюсь в гребле.

Слоун перевел ответ русского. Сэр Вайтли широко улыбнулся:

– Приятно слышать, господин президент, но кое-что из происходящего может показаться вам любопытным. Видите крайнюю лодку под номером семь, с парнями в трехцветных жилетах?

Лева перевел слова ректора. Он прикрыл глаза ладонью, чтобы уберечь их от солнечной ряби волн. Ему тут же протянули бинокль. Он навел окуляры на указанную лодку и увидел крепких молодых людей, застывших в ожидании старта:

– Да, вижу. Это цвета нашего флага.

Ректор выдержал паузу:

– Да, это студенты из России. На веслах четыре брата, а за рулем гордость университета, Юлий Постников. Юлий пишет дипломную работу по современному праву, и мы ждем от нее сенсации. Всех пятерых на свои средства учит Ваш соотечественник. Как я уже заметил, четверо других его сыновья. Трое очень способные парни, а четвертый наша головная боль. Рассмотрите самого мелкого, что сидит в середине. Соображает неплохо, но озорник еще тот. – Озорник заметил направленный на их лодку бинокль и помахал Ему рукой.

– Мы его едва не исключили, – продолжил сэр Чарльз: – но мистер Колленев, весьма достойный джентльмен, немало сделавший для нашего университета... Я пошел ему навстречу...

Профессор Слоун перевел слова сэра Чарльза и добавил от себя:

– Мистер Колленев – не родной отец этих юных джентльменов. Он воевал в Афганистане и усыновил сирот погибших однополчан. Вообще, наш ректор строг, но в этом вооруженном конфликте и у него убили старшего сына. Поэтому сэр Чарльз и проявил снисходительность.

Гость из России опустил бинокль и перестал улыбаться:

– Мне искренне жаль... Афганская война была ошибкой советского руководства и, к сожалению, не единственной.... Откуда этот Коленев? Из Москвы?

Ответить профессор не успел. Раздался выстрел стартового пистолета, и гребцы рванули вперед. На старте экипаж русских отстал, но постепенно переместился на четвертую позицию, потом на третью. Трибуны поддерживали своих любимцев свистками и громкими криками. Его тут же охватило чувство болельщика. Не выпуская из рук бинокль, Он привстал с кресла. Гребцы в сине – бело-красных жилетах упрямо рвались вперед. Весла опускались и поднимались с такой скоростью, что уследить за их движениями не представлялось возможным. Вот они уже нагнали вторую лодку. Забыв про этикет, Он подбежал к канату, отделявшую начальственную площадку от остальных зрителей, размахивая биноклем, громко закричал:

– Молодцы, Молодцы! Я с вами! Поддайте еще немного!

Болельщики перестали наблюдать за гонкой и восторженно Ему зааплодировали. Он смутился, вернулся в свое кресло и выпил стакан минеральной воды. Профессор Слоун тут же наполнил опустевший бокал. Он от волнения выпил и его.

Гонку обе лодки закончили одновременно.

Он захлопал в ладоши:

– Наша взяла!

– Фотофиниш поможет судьям определить победителя, – невозмутимо возразил ректор.

После соревнований сэр Чарльз Вайтли и руководство студенческого городка давали совместный ужин в честь высокого гостя.

Возвращались той же дорогой. Рыбаки снова забрасывали лимузин цветами и тянули к Нему руки.

Он привычным жестом отвечал на их приветствия, думая о том, как давно пора навестить туалет. После лекции он забыл о потребностях организма, для владык и рабов абсолютно одинаковых, а тут еще эта минеральная вода... Отвлекая себя от навязчивой мысли, попросил помощника:

– Лева, разузнай о русских студентах и их отце. Возможно, наш фонд сможет оказать этой семье содействие.

Лева записал Его просьбу в блокнот.

Кортеж уже катил по улицам Сванси. Второй по величине город графства Уэльс мало отличался от других провинциальных городов Англии. В жилых районах плющ на стенах, небольшие, аккуратно стриженные газончики, внушительные парадные. Все чисто, строго и солидно. В центре дома повыше, обилие магазинов, железнодорожный вокзал и несколько пабов. На главной площади лютеранская церковь и здание муниципальной власти.

Мэр города, окруженный толпой журналистов, встретил Его у порога. Дежурная улыбка политика перед камерами репортеров. Вопросы на злободневные темы.

– Господин президент, как вы относитесь к войне с чеченцами?

– Это не война, а последствия развала Великой страны, который произошел вопреки моей воле.

На ужин в Его честь явились не только университетские профессора и руководство городского муниципалитета, сюда приехали многие известные деятели графства, вожаки профсоюзного движения, ученые, писатели, священнослужители. Профессор Слоун представил Ему каждого. И каждому Он пожал руку.

Перед тем как приступить к трапезе, Его провели по помещениям библиотеки и совещательной залы, показали макет Сванси времен фашистских налетов. Немцы сильно бомбили городок, и на макете он представал в руинах.

– Жители скрывались от бомбежек в укрытиях, а когда выходили, вместо своих домов заставляли дымящиеся стены. Вот так выглядела наша церковь, – пояснял мэр, водя указкой по муляжным развалинам. – У вас в России, господин президент, люди считают, что только русские претерпели ужасные жертвы от нацистов. Но нам тоже досталось. И заметьте, Англия первой объявила войну Гитлеру, как только он стал агрессором.

Он кивал головой и думал, когда, наконец, сможет добраться до туалета. Но после экскурсии все расселись за длинным столом в главном зале. Теперь по правую руку от него сидел мэр города, а слева сэр Чарльз Вайтли. Место профессора Слоуна оказалось за креслом мэра, что осложняло перевод. Напротив уселись трое ветеранов в форме королевских ВВС. Он поискал глазами помощника, но Левы за столом не увидел. Зато увидел лаборантку Слоуна – Светлану Таторину, служившую сегодня мэру города личной переводчицей.

Безмолвные официанты наполнили бокалы. От журчания струящегося шампанского в туалет хотелось еще сильнее. Он улыбался.

В своих тостах англичане не скупились на похвалы в Его адрес. В ответном выступлении Он поблагодарил радушных хозяев за внимание к своей персоне.

В конце ужина в зал привели хор мальчиков, и они спели две песни. Как только дети ушли, к Нему образовалась очередь желающих получить автограф. Для этого англичане приготовили Его книгу “Перестройка и гласность”, переведенную на английский язык.

Вернулся в отель с одним желанием – скорее добраться до туалета. Его номер состоял из пяти комнат. Консультант дожидался в холле. Он указал помощнику на дверь кабинета и бросился в заветное место. Вышел с блаженной улыбкой. Теперь он был спокоен и счастлив. Лева зачитал распорядок на следующий день. Завтра Его принимала сама королева.

– В девять утра мы отправляемся в Лондон. Так что постарайтесь хорошенько выспаться.

– Почему ты меня бросил и не пошел на прием?

– Я решил, что профессор Слоун справится с переводом, и отправился исполнять Ваше поручение.

– Какое еще поручение?

– Наводил справки о русских студентах и их родителе, – уточнил консультант.

– Молодец. Кстати, что показал фотофиниш?

– Два экипажа поделили первое и второе места.

– Выяснил, откуда они, такие быстрые?

– Все уроженцы Глухова. Вам название города ни о чем не говорит?

– Первый раз слышу.

– Помните, перед пленумом о кооперативном движении Вы ткнули зубочисткой в карту?

Он задумался. Слишком много событий произошло с тех пор. И они были для Него куда важнее и драматичнее:

– Нет, Лева, не помню. Но вот что я тебе скажу: если бы не перестройка и не демократические перемены, которые я успел начить, парни из России никогда бы не соревновались в гребле с английскими студентами.

На это бывшему референту возразить было нечего:

– Я могу идти?

– Можешь. Но все же выясни, не надо ли чего отцу этих ребят?

– Я уже встретился с господином Коленевым. Он просил передать Вам свою благодарность за заботу и заверил, что ни в чем не нуждается.

– Он живет здесь?

– Да, у него миленький домик на берегу залива.

– Решил стать эмигрантом?

- Нет. Когда его ребята получают дипломы, намерен вернуться в Россию.
 - Хорошо, иди отдыхай. – Помощник не двинулся. – Ты что-то хочешь мне еще сказать?
 - Хочу Вам напомнить. При встрече с королевой не протягивайте ей руку первым.
- Он усмехнулся и ничего не ответил.

Валентина Андреевна Покровская сегодня спешила. Обычно перед тем как решиться на покупку, она долго стояла у сырного прилавка, выбирая себе кусочек сыра по настроению, как модница выбирает шляпку для воскресной прогулки. Но на этот раз уже в магазине она вспомнила, что поставила чайник на плиту и перед уходом забыла выключить.

Сыр Валентина Андреевна обожала с детства. Когда-то ее отец работал торговым атташе во Франции. Ребенком она провела три года в Париже и на всю оставшуюся жизнь пристрастилась к этому изысканному изобретению гурманов. В отличие от большинства москвичей, она понимала в сырах как истинная парижанка, но, вернувшись на родину, много лет не имела возможности порадовать себя разнообразием. В Советском Союзе едва ли производилось больше десятка сортов. В этот десяток входили и так называемые плавленые сырки “Волна” и “Дружба”, благодаря своей дешевизне снискавшие всенародную популярность. И только при новом режиме в дорогих универсамах появились сотни сортов сыра, вкус которых она за столько лет не смогла забыть. В гастрономе на Смоленской площади выбор сделал бы честь и любому парижскому магазину. Но у старушки возникла новая проблема. На пенсию она могла позволить себе дорогое лакомство не чаще двух раз в месяц. На сегодняшний день лимит уже израсходовала. Но утром ей так захотелось себя побаловать, что она не выдержала и отправилась в магазин.

В большой пластиковой корзине покупки Валентины Андреевны выглядели более чем скромно. Особенно это бросалось в глаза в очереди возле кассы. Перед ней господин в спортивных кроссовках (обуви, по мнению Покровской, для города совершенно непристойной) подвез тележку, доверху наполненную всевозможными яствами. “Сколько же все это стоит!?” – мысленно изумилась пенсионерка, догадываясь, что такое количество дорогой провизии и за год купить не сможет.

Тем временем мужчина в кроссовках расплатился банковской карточкой, и сумма, которую он потратил, для Валентины Андреевны так и осталась тайной. С нее же за кусочек рокфора и два рогалика взяли тридцать пять рублей. Пожилая женщина раскрыла кошелек и негнущимися пальцами извлекла четыре десятирублевых бумажки. Получив сдачу, аккуратно сыпала мелочь в отделение кошелька, а кошелек убрала в сумку.

В дверях повезло. Сегодня Валентину Андреевну никто не пихнул и не поторопил грубым окриком. Наоборот, молодой мужчина раскрыл перед ней тяжелую дверь и придержал, пока старушка не выбралась на улицу. Преодолев ступени, облегченно вздохнула. Все помехи теперь позади, а по гладкому асфальту она передвигалась вполне сносно. Ей предстояло преодолеть метров триста Садового кольца, завернуть в первый переулок за метро Смоленская и пройти еще сто метров. Раньше она бы добралась до дома минут за десять. Теперь и за сорок не всегда удавалось. Годы унесли здоровье и силы. Жизнь пролетела, как одно мгновение, и это мгновение навряд ли можно было назвать веселым. В юности она встретила большую любовь. Он ушел на фронт и не вернулся. В конце войны познакомилась с будущим мужем. Вышла замуж не по любви, а чтобы не остаться старой девой. Поскольку миллионы молодых мужчин поубивало на фронтах, ее опасения имели реальную почву. Но с годами душевно привязалась к супругу и прожила с ним много спокойных лет. Вот только детей завести не удалось. Кто в этом виноват, врачи тогда определять не умели. Потом муж заболел. Через год его не стало. Одиночество поначалу переносилось трудно. Но шло время, и она научилась получать старческие радости от одинокой жизни. Вкусная еда вошла в их число. Валентина Андреевна принаоровилась есть понемногу, но того, чего ей хотелось. А

любимый гастроном, хоть и подорожал в сотни раз, но удовлетворял любые запросы и находился под боком.

Покровская никому и никогда не жаловалась на бедность. Она могла одним росчерком пера сделать себя богачкой. Старушка проживала в добротном “сталинском” доме, и одна занимала трехкомнатную квартиру. Ей много раз предлагали заключить контракт с фирмой. За документ, позволявший этой фирме получить квартиру после ее смерти, пожилой женщине обещали кучу денег. Но ходили слухи, что одинокие старики, поддавшись уговору, очень быстро умирали, и не всегда своей смертью...

Валентина Андреевна пережила репрессии тридцать седьмого, когда расстреляли ее отца, войну с немцами, голод, карточную систему и дурным слухам верила куда охотнее, чем благим обещаниям.

Совсем недавно ей предложили и нечто другое. Переехать в новый район, поселившись там в однокомнатной квартире, а свои апартаменты продать. Но коренная москвичка считала все новые районы деревней, а блочные и панельные дома бараками. К тому же такого гастронома, как Смоленский, в Москве больше нет, и магазин от нее так близко... Поэтому от предложения отказалась.

Близко-то близко, но с каждым годом времени на дорогу тратила больше. Сегодня побил свой же рекорд – добралась до поворота не за тридцать, а за двадцать пять минут. Вот и долгожданный переулок. Обычно она в этом месте немного отдыхала и уж потом шла без остановок до самого парадного. Но сегодня мысль о кипящем чайнике заставила от отдыха отказаться. Теперь всего десять минут, и она у цели. Вот уже и ее дом.

Сейчас войдет, и первым делом на кухню. Хорошо, если чайник не успеет выкипеть, а то может и распаяться.

– Вы Валентина Андреевна Покровская? – Она даже не поняла, откуда возник этот здоровый мужик на ее дороге. Кажется, он выскочил из припаркованной к тротуару машине. Она растерянно заморгала, близоруко вглядываясь в незнакомца:

– Да, это я. А что вам угодно?

Ответа не услышала. Ее схватили за локти и впихнули в большую черную машину.

– Что вы делаете!? Помогите!

Валентине Андреевне казалось, что она кричит на всю улицу. Но голос ее звучал едва слышно, и прохожий, спина которого быстро удалялась, даже не оглянулся.

Они куда-то долго ехали. Ее держали головой вниз, и она не видела куда. Когда позволили разогнуться, за окном проплывал лес. Машина остановилась. Молодой человек присел с ней на сиденье, раскрыл кейс и выложил лист гербовой бумаги. Рядом он положил обыкновенный молоток.

– Вот что, бабка, или ты сейчас подпишешь этот документ, или я тебе проломлю голову, – и приподнял молоток своей огромной лапищей.

“Если они меня убьют, кто же выключит чайник?” – подумала она и бумагу, подтверждающую, что ее трехкомнатная квартира переходит в собственность гражданки М. И. Соловьевой, подписала. Но жизни это ей не спасло. Трое крепких парней набросили на голову бабушки целлофановый пакет, подержали, пока она задохнется, и вытащили труп из машины.

– Эта тетка и двадцати килограммов не весит, – сказал один из участников “сделки”, передавая тело старушки напарнику.

Тот усмехнулся:

– Божий одуванчик. Сейчас мы его и посадим головкой в землю.

– Что делать с ее сумкой?

– Достань ключи от квартиры и посмотри документы.

– Ключи нашел. Документов нет. Есть кошелек с мелочью, два рогалика и чего-то в бумаге.

– Чего?

Бандит брезгливо понюхал сверточек с рокфором:

– Гадость какая-то. Тухлятиной воняет.

– Да брось на хер подальше. В лесу всякой живности много, а зверье тухлятину любит.

Бандит последовал совету подельника. Сверток с деликатесным сыром полетел в кусты, а содержимое кошелька исчезло в его кармане.

Яму предусмотрительные молодые люди выкопали заранее. Засыпав труп, аккуратно прикрыли место захоронения свежим дерном, и через двадцать минут машина уехала. Через час в квартире старушки уже хозяйничали чужие люди. Они же и выключили злополучный чайник, который хоть и выкипел, но распаяться не успел, а только покрылся темными пятнами.

Одноэтажный особнячок в Хамовниках сиял свежей охрой стен и радовал дубовыми дверями с золоченой ручкой. Еще год назад этот островок фамусовских времен являл собой грустное зрелище – проржавевшая крыша, сбитая штукатурка и заколоченные досками окна. В таком виде он простоял лет десять, вызывая жалость коренных москвичей и радуя бродячих кошек.

Но год назад сюда на черном лимузине приехал высокий, прекрасно одетый мужчина с массивным золотым перстнем на мизинце правой руки, и с кейсом в левой. Рабочие в опрятных комбинезонах вышибли дверь и мужчина, морщась от запаха, оставленного четвероногими жильцами, прошелся по комнатам особняка, внимательно осматривая все вокруг, затем вышел, стряхнул носовым платком пыль с лакированных ботинок, и уехал. Через неделю после его визита, домик обнесли высоким забором, пригнали технику и началась работа. Крышу покрыли новенькой жстью, окна и двери выломали вместе с рамами, заменив их новыми, стены оштукатурили, а у парадного повесили табличку с надписью: “Некоммерческий фонд “УЗНИК СОВЕСТИ””.

А еще через неделю в кабинете директора фонда уже восседал Ибрагим Казиев. После гибели своего брата Алехана Казиева, он стал одним из главных авторитетов солнцевской братвы, но бандитской деятельностью не афишировал. Ибрагим давно купил корочки доктора философских наук и заказал тесненные золотом визитки. Фонд “УЗНИК СОВЕСТИ” официально боролся за соблюдения прав заключенных, а на самом деле осуществлял теневое руководство в зонах исправительных лагерей, не брезгуя при этом и другими, далеко выходящими за рамки уголовного кодекса и приносящими быстрый доход, видами деятельности.

Сегодня рабочий день директора фонда складывался удачно. Еще до обеда трое его служащих привезли своему шефу документ, поднявший ему настроение и суливший немалую прибыль. Положив бумагу перед собой на полированную столешницу, Ибрагим снял трубку и набрал номер.

– Все, бля, в порядке, Мака. Можешь приезжать.

Не прошло и часа, как Мака сидела в директорском кабинете и внимательно рассматривала бумагу. Документ имел печать жилищного департамента Москвы и подпись ее начальника.

– Молодец, Ибрагим. Сколько?

– Полтинник, бля, как и договорились.

Посетительница вынула из сумочки мобильный телефон и, сказав в трубку два слова, убрала обратно. Через минуту в дверь кабинета вошел молодой человек с кейсом в руке.

Молча приблизившись к Казиеву, раскрыл кейс, вынул перевязанную резинкой пачку сто долларовых купюр и выложил на стол.

– Свободен, – бросила ему Мака и дождалась, когда молодой человек удалится.

– Что-нибудь еще? – Улыбнулся Казиев, скидывая деньги в приоткрытый ящик стола.

– Есть одно дело, – сообщила посетительница, доставая из сумки сигареты.

Казиев щелкнул зажигалкой:

– Выкладывай. Что в наших силах, все, бля, сделаем.

Мака с удовольствием затянулась и выдержала паузу:

– Хочу баллотироваться в Государственную Думу.

Ибрагим долго и весело смеялся. Мака стряхнула пепел и, не мигая, смотрела на веселившегося бандита. Когда он немного успокоился и носовым платком промокнул набежавшую слезу, спросила:

– Ты меня понял?

– Хули не понять?! Неприкосновенности, бля, захотела?

Теперь расхохоталась Мака. Смеялась долго. Внезапно лицо ее стало серьезным:

– Дурак.

Казиев покраснел, наливаясь гневом:

– Что ты сказала?

– Дурак, я сказала, – спокойно повторила она и затушила сигарету: – Сидя в Думе лучше видно, что еще можно прикупить в стране. Хочу немного заработать и предлагаю тебе поучаствовать.

При словах “заработать” Казиев тут же успокоился, а предложение поучаствовать вызвало у него добрую улыбку:

– Хули я должен делать?

– Возглавить мой избирательный штаб.

Бандит почесал затылок:

– Бегать, бля, много придется...

– Бегать не надо. Подключишь своих шестерок. Чем больше, тем лучше.

– Помозгуем, госпожа депутат.

– Вот и помозгуй.

– А скажи, был бы жив Кашей, ты бы ко мне, бля, с этим пришла?

– А был бы жив Алехан, ты бы сидел в этом кресле?

– Не трогай, бля, память брата. До сих пор не врубился, кто же его шлепнул... Думаю, теперь никогда, бля, не узнаю.

Мака загадочно улыбнулась:

– Не зарекайся, еще не вечер.

– За брата, блядь, Алехана, клянусь тебе, женщина, если выплывет имя гада, из-под земли вытащу, порежу на мелкие кусочки и опять на хер в землю зарою.

Она согласилась:

– Хорошо, зароешь. – И поднялась с кресла: – Ну хватит, мне пора. При следующей встрече обговорим детали.

– Начинать такую игру, бля, нужны большие деньги, – задумчиво произнес директор некоммерческого фонда.

– Деньги найду. Твое дело грамотно провести избирательную кампанию.

– Никогда, бля, не занимался подобной лабудой...

– Ты же доктор философских наук, вот и оправдывай ученую степень, – посоветовала Мака, направляясь к двери.

Казиев проводил ее до машины, галантно усадил в Мерседес и долго смотрел вслед удаляющейся иномарке. Черный лимузин, принадлежавший когда-то Кашееву, он хорошо

помнил. Вернувшись в свой кабинет, открыл ящик стола и внимательно пересчитал доллары. Удостоверившись, что не обманут, вытащил из бара бутылку водки, выпил четверть прямо из горлышка, поморщился и нажал кнопку. Секретарь директора с татуировкой на шее почти-тельно замер на пороге.

– Скажи, бля, Корявому, пусть закажет сауну и обзвонит братков. Сходняк завтра в восемь вечера, – распорядился хозяин.

– Телок готовить? – Услужливо предложил секретарь.

– На хера? Бабы делу помеха. Сами, бля, посидим. Базар есть. – Ответил доктор философских наук, вовсе выпустив из вида, что именно баба с сегодняшнего дня и становится его главным делом.

Лена заглянула к мужу. Увидев на письменном столе опустошенную бутылку, нарезанный на газете лимон и разбросанные вокруг бумаги, тихо попросила:

– Трофим, может на сегодня остановишься? – Бывшего телохранителя Маки, кроме жены, никто больше не называл по имени. Трофим Юрьевич Мараконов уже несколько лет занимал кабинет мэра города.

– Лена, не нуди. Завтра выходной, а мне надо расслабиться. Ты же знаешь, – он сгреб разбросанные по столу бумаги, поднял их и серпантинном разбросал вокруг: – как я устал от всего этого?

На глазах Лены выступили слезы:

– Ты меня больше не любишь. – Она захлопнула дверь кабинета и быстро ушла в свою комнату. Трофим вошел следом, покачиваясь, встал рядом, положил ей руку на плечо:

– Ленка, я ненавижу свою должность. Ты же помнишь, как я не хотел идти в мэры! Она меня заставила.

Лена сбросила его руку:

– Нечего обвинять Маку. Ты не ребенок. Согласился, веди себя достойно. Не желаю **краснеть** за мужа. Мне своей дочке в глаза смотреть стыдно.

Трофим заглянул ей в лицо:

– Тебе дочке стыдно в глаза смотреть, а мне всем. Понимаешь, всем!? Меня теперь даже в соседний дом на машине возят.

– Зачем же ты не бросишь пить?! Ты сильный, молодой еще мужик. Перестань пьянствовать, и не надо будет стыдиться людей.

– Ничего ты, Ленка, не понимаешь.

– Я все понимаю. Ты боишься эту женщину. Она тебя поработила. Она заставила тебя стать мэром и теперь вьет из тебя веревки!

– Ты так ничего и не поняла... – Он, пошатываясь, вышел из ее комнаты. Лена слышала, как супруг завернул в спальню и, не раздеваясь, завалился на кровать.

Она остро почувствовала жалость. Захотелось бежать к нему, пожалеть, погладить, как маленького, по голове. Но порыву воспротивилась живущая в ней профессиональная учительница: “Трофим сам себя слишком жалеет. Нельзя потакать”. Поднялась, постояла немного и пошла умываться. В огромном зеркале отразилось ее покрасневшее от слез лицо. Решила принять ванну, разделась и включила воду. Система джакузи тугими струями масси-ровала тело. В сорок с небольшим она сохранила подтянутую фигуру, да и лицом выглядела моложе своих лет. Только постоянные боль и стыд за мужа резали нежную кожу морщинами.

Трофим пристрастился к алкоголю давно. Но сперва не напивался до свинства. Ему долго удавалось скрывать от нее пагубную привычку. В девяносто пятом Руфина Абрамовна ушла на пенсию и порекомендовала Лену на свое место. Молодой директрисе работать при-ходилось допоздна. Когда возвращалась, муж уже спал. Частенько она ощущала запах алко-голя, но не придавала значения. Мэра города постоянно приглашали на банкеты и другие

торжества. Рюмку-другую приходилось выпить. Но однажды она обнаружила дома в его кабинете пустую бутылку. Потом уже находила их часто. Так в ее жизнь вошло горе. Последнее несколько лет Трофим напивался почти каждый вечер.

Струи джакузи приятно успокаивали нервы. Она отдалась их массажу, но тревожные мысли не отпускали.

Она давно заметила, что его изнутри что-то гложет. Догадывалась, пьянство мужа связано с Макой. Сначала подозревала, что у кооператорши с ее любимым интимная связь, которая тянется со времен его “телохранительской” службы. Но супруг божился, что между ними никогда не было физической близости: “Мака любит Олега Коленева, а я для нее всего лишь преданный работник”.

Женщина сердцем чувствовала, что он говорит правду, но Маку возненавидела. Поводов для неприязни имелось предостаточно. Когда та приезжает из Москвы, то заходит к ним как к себе домой, уводит Трофима в кабинет и подолгу обсуждает с ним какие-то дела. Иногда даже остается у них на ночь, хотя ее собственный особняк совсем близко. Теперь весь участок берега от Вороньего холма до деревни Щеглы превратился в район для богатых. Мака сумела прихватить берег и продавала участки вместе с коттеджами. В народе поселок и прозвали Макаград. Но самое живописное место облюбовала для себя. Ее огромный особняк с круглыми башенками, отраженный в тихом омуте реки Глуши, возвышался над **всеми**.

Выразить неудовольствие посещениями Маки Лена не имела права. Коттедж они **возвели** на участке, который она подарила Трофиму на свадьбу. Хорошо хоть **подняли стройку** сами. На строительство муж взял кредит в банке. Лена поначалу предполагала, что ему трудно выплачивать проценты, и он от этого запил, много раз спрашивала о деньгах, даже хотела попросить займы у Коленева. Трофим посмеивался и всегда отвечал, что деньги для него не проблема. Что же тогда его гложет?

Вспомнила пустую бутылку на столе кабинета, лимон на рваной газете, бумаги, разбросанные вокруг, его жалкую улыбку... Вздохнула и выбралась из джакузи. Надев халат, заглянула в спальню. Трофим неловко запрокинул голову и издавал свистящий храп. Подпихнула ему под щеку подушку и отправилась наводить порядок в кабинете. Брезгливо отодвинула пустую бутылку, свернула рваную газету с обрезками лимона, выбросила ее в корзину для мусора, вытерла стол, собрала бумажки.

Ими оказались письма жителей города. Взяла одно в руку, уселась в кресло, начала читать: “Уважаемый Трофим Юрьевич, вам пишет ветеран Великой Отечественной войны, герой Советского Союза Николай Степанович Тищенко. Хочу спросить Вас, до каких пор в нашем городе бандиты будут чувствовать себя хозяевами? Моего сына Валентина Тищенко, директора строительной фирмы, три раза избивали, требуя дани. В городе все знают, что лютуют братки гражданки Соловьевой. Неоднократно обращался в милицию, но и там работают ее люди. Кто руководит нашим городом, мэр, или эта, с позволения сказать, женщина? Я боюсь за жизнь сына и требую принять меры”. Лена отложила письмо, взяла другое. В нем жительница города сообщала, что у нее бандиты отняли дом, заплатив ей смехотворную сумму. Дом тут же сломали, а на его месте строят казино. Грозили разделаться, если надумает жаловаться. В конце письма снова указывалось на подручных Соловьевой. В третьем послании также взывали к мэру о помощи, но имя Маки напрямую не упоминали.

Лена разволновалась – почему Трофим ей никогда не говорил о жалобах на его бывшую хозяйку? По его словам, Мака давно ведет достойный образ жизни. Лена ему верила, потому что Соловьева много лет помогает детскому дому, взяв на себя расходы по питанию ребят. И почему эти письма здесь, а не в его служебном кабинете? Все это очень странно.

Выдвинула ящик стола, чтобы убрать туда письма, наткнулась на кипу фотографий. Перебирая карточки, узрела свою персону в самых разных видах. Вот она на балконе их нового дома, а здесь во весь рост на Красной площади. Немного смутилась, разглядывая

себя в купальнике на пляже в Анталии. Внизу Трофим написал: “Моя Ленка самая красивая женщина в мире” и поставил три восклицательных знака. Карточка напомнила об их медовом месяце, и она грустно улыбнулась. Трофим обожал ее фотографировать. За годы их жизни скопил целую коллекцию. Муж предпочитал снимать только ее. Лишь на нескольких снимках он запечатлел жену с падчерицей. В последний приезд Иры снял ее крупным планом. Лена невольно залюбовалась портретом повзрослевшей дочери. Ирочка превратилась в красавицу. Ее вздернутый носик с возрастом сохранился, и веснушки тоже, но ее это только красило, а чуть насмешливое выражение озорных глаз выдавало пытливый и ироничный ум.

Дочка оканчивала Московский Университет и домой приезжала лишь на каникулы. А с тех пор как Трофим начал пить сильно, старалась появляться у них еще реже.

Лена отложила снимок дочери, а остальные фотографии аккуратно сложила. Затем так же аккуратно сложила в стопку письма горожан.

Укладывая фото и письма, выдвинула ящик до конца и вздрогнула... В глубине хранились доллары. Банковские нераспечатанные пачки лежали небрежно в навал. Лена побледнела. Всю зарплату до копейки Трофим отдавал ей. Откуда у него такое богатство – неужели муж берет взятки!?

Она схватила пачку заокеанских денег и бросилась в спальню. Трофим посапывал, отвернувшись к стенке. Лена наклонилась к постели, дернула его за руку, с силой повернула к себе. Супруг замычал, но не проснулся. Лена ударила его по щеке. Трофим открыл глаза и ошалело смотрел на покрасневшее от возмущения лицо жены.

– Ты чего, Ленка?

Она ткнула ему под нос доллары:

– Откуда у тебя это?

Он мутным взглядом осмотрел деньги, перевел взгляд на жену:

– Где ты их нашла?

– В твоём столе. Ты берешь взятки? Отвечай, я тебя спрашиваю!

Он сел на постели и долго тер лицо руками:

– При чем тут взятки? Это прибыль от наших акций.

– Каких акций?

– Цементного завода. Я же тебе говорил, что во время приватизации поменял ваучеры на пять процентов акций. Это наша прибыль...

– Где ты взял столько ваучеров?

– Мама дала.

– А у нее откуда так много?

– Скупила у наших алкашей и поделилась.

– И за это ты позволил ей заграбастать весь цементный завод?

– Почему весь? Половина акций у Коленева. Они с Макой победили на аукционе. Все было по закону.

– При чем тут Олег Николаевич? Он же в Англии!

– Коленев оставил доверенность Маке как своему компаньону.

– И Олег Николаевич в курсе, что его компаньонка скупала ваучеры по дешевке у несчастных пьяниц?

– Этого я не знаю.

– Позвони ему и узнай.

– Не могу.

– Почему?

– Она мне не простит.

– Ты ее так боишься?

– Ленка, я же за тебя боюсь.

– За меня?

– Да, за тебя. Мака страшная женщина. Сама называет себя ведьмой.

– Вот и живи со своей ведьмой.

Лена запустила в него пачку долларов и, открыв шкаф, начала выбрасывать на пол свои вещи.

Трофим поднялся, подошел к жене, растеряно наблюдая за происходящим:

– Что ты делаешь?

– Собираю шмотки и ухожу.

Он упал на колени, схватил подол ее платья и стал его иступленно целовать. Она отвернулась. Трофим обнял ее ноги и теперь покрывал поцелуями их:

– Прости меня, я скотина и трус.

Лена вырвалась, подняла вещи и выбежала из комнаты.

Мака сидела на корточках, гладила своими тонкими пальцами шрамы на груди Олега и смотрела на него немигающим взглядом.

Огромные напольные часы пробили полдень, а они еще не выходили из спальни.

– Чего ты на меня так смотришь? Давно не видела?

– У тебя на груди шерсть сесть начинает? Стареешь, солдатик.

– Не всем же, как тебе, только молодеть, – улыбнулся Голенев.

– Жениться на мне не надумал? И я скоро состарюсь. Мы с тобой уже сколько лет трахаемся?

– Не считал.

– А ты посчитай. Надоело, как девке по вызову, к тебе мотаться. Раньше ты отказывался, ссылаясь на своих малых сынков. Теперь они выросли, что нам мешает?

– Зачем тебе замуж?

– Не понимаю, чего ты боишься? Бабки у нас и так общие. Правда, пока на троих.

– Почему – пока?

Она усмехнулась:

– Бабки такая вещь, которая плохо на троих делится.

– На что ты намекаешь?

– Скоро твой Нелидов потребует долю и начнет разводить розы. Не думал, сколько ему лет? Ему за шестой десяток перевалило.

– Да, порядочно. – Согласился Голенев: – Но держится Алексей молодцом.

– Долго не продержаться. Так что скоро останемся мы с тобой вдвоем, солдатик.

Поэтому решайся.

– Давай подождем еще немного, – уклонился он от ответа.

– Радуйся, что я тебя еще люблю, а перестану, берегись.

– Хватит пугать, лучше иди ко мне, – он поднял ее и привлек к себе. Почувствовав его внутри, она закрыла глаза и застыла. Он сжал ее маленькую грудь, положил на спину, прильнул к губам. Она укусила его, вывернулась и снова оказалась над ним. Они сплетались, превращаясь в одно целое, торопили и одновременно продлевали миг, словно вели неистовую борьбу между собой. Акт близости у них превращался в поединок страстных соперников.

– Ты мой желанный кобель, – шептала Мака, трогая кончиком языка его ухо и больно царапая ноготками его спину: – Люби меня. Я ведьма. Я тебе никогда не надоем.

– Замолчи, сучка. – Он зарычал, дернулся и затих.

– Приплыл, мой солдатик. Получил свою девочку?

Он промолчал. Она освободилась от него, встала, взяла со столика сигареты, закурила и снова уселась на постель:

- Недели три будешь жить монахом. Выдержишь?
- Почему так долго? – Спросил Олег, стирая ладонью кровь с прокушенной губы.
- Помимо бизнеса надо с хатой в Москве разобраться. Присмотрела две квартирки на одном этаже. Хочу стены выломать и соединить две хаты вместе. Получится семь комнат.
- Куда столько?
- Мака выпустила ему в лицо струйку дыма:
- Много – не мало. Приедешь, у тебя и личная спальня, и свой кабинет.
- Я собираюсь жить в своем доме на Вороньем холме.
- Когда приедешь в гости. Ты же знаешь, в Москве я теперь чаще, чем в Глухове. В нашем захолустье все, что можно, мы уже прихватили.
- Что значит – прихватили?
- Не придирайся к словам. – Она встала, взяла бутылку коньяка, налила себе и ему:
- В Глухове и немец справится. Основные дела мои теперь в столойной. Надеюсь, будешь навещать свою девочку?
- Олег пронаблюдавал, как она мелкими глотками прикончила коньяк, залпом выпил свой и поморщился:
- Одной спальни нам для этого хватит.
- Дурачок. Я становлюсь бизнес-дамой. Иногда за день так натрахаешься с делами, что не до члена А тебе подавай по первому требованию. В отдельной и милому спокойно и мне хорошо.
- Черт с тобой. Делай, что хочешь.
- Я и делаю.
- Пойдем купаться.
- Пошли. Видишь, какая я послушная. – Она затушила сигарету, потянулась и, опустившись на колени, начала его целовать. Голенев прикрыл глаза и вновь ощутил желание. Приподнял ее и снова бросил на постель.
- Завелся?
- Сама завела, – рывкнул он, сжимая ее железной хваткой.
- Через полчаса они все еще продолжали валяться. Мака зевнула и положила голову ему на грудь:
- Ты, наконец, доволен?
- Наверно.
- Кто-то собирался в море? Или мне показалось?
- Ты меня до смерти умотала. Сил нет двинуться.
- Она встала и потянула его за руку:
- Нечего притворяться.
- Я не притворяюсь. – Он набросил на себя халат и остановился на пороге:
- Пошли?
- Иди первым, я нам полотенца возьму. – Она дождалась, пока он вышел и позвонила Светлане Таториной. – Привет, Светка. Я перевела на твой счет пять штук фунтов. Уеду, следи за каждым его шагом.
- Спасибо, не волнуйся. – Ответила лаборантка профессора Слоуна. Мака положила трубку и, прихватив из ванной два полотенца, вышла в сад. Когда она спустилась с крыльца, он уже плавал. Олег помахал ей рукой и поплыл к берегу. Она бросила полотенца на шезлонг, пачку сигарет на маленький столик и не спеша погрузилась в воду. На ее лице не дрогнул ни один мускул, хотя море еще не так сильно прогрелось, и чтобы окунуться, требовалось некоторое мужество. Она нырнула к нему, и они вместе проплыли метров триста вдоль берега, вернулись и выбрались на пляж. Мака замерзла. Олег взял полотенце и растер ей спину.
- Согрелась?

– Принеси коньяк. Я бы немного выпила.

Он принес бутылку и два бокала, уселся на шезлонг, посадил Маку себе на колени. Она потерлась щекой о его подбородок и потянулась к бутылке:

– Составишь мне компанию?

– Ты слишком много пьешь...

– Не больше тебя. Смотри, сам не спейся в этой английской дыре.

– Постараюсь.

– Сваришь мне кофе?

– Есть проблема.

– Какая?

– Тебе придется встать с моих колен.

– Не сейчас, попозже.

– Как скажешь.

– Купи яхту, – попросила она.

– Зачем? Мы скоро отсюда уедем. Получат ребята дипломы, и вперед. Тут хорошо, а дома лучше.

Она оглядела стриженный газон, что тянулся от особняка до самого пляжа, увитые плющом стены, каменное крыльцо с двумя массивными колоннами:

– Дом не продавай. Еще может пригодиться.

Олег удивился:

– Для чего? Я жду не дожусь дня отъезда. Слава Богу, уже скоро.

– Кто знает, еще бежать из России придется?

– С какой стати?

– Мало ли что... – Ответила она уклончиво.

– Не понял?

– Опять красные вернутся. Помнишь ГКЧП? У меня уже не та грудь, чтобы останавливать ею танки.

– Глупости.

– Насчет моей груди?

– Нет, насчет России. С грудью у тебя все в порядке.

– А с Россией нет?

– Я серьезно.

– Я тоже.

– Россия сегодня так повязана с Западом, что назад дороги нету. Да и кто хочет этого?

Только пенсионеры.

Мака усмехнулась:

– Наши тупоголовые старцы мечтают проснуться в Советском Союзе. Ну ничего, скоро они повымрут и дышать станет легче.

– Откуда в тебе столько злости? Не тупоголовые, а несчастные. Проработали всю жизнь за гроши, а на старости лет их еще и ограбили.

– Сами виноваты. Как говорится, за что боролись... Ну, это я только тебе говорю. В Москве я другая, добрая и отзывчивая. Но все равно, твои старички зашоренные болваны.

– Не надо так о пожилых людях.

Мака сбросила с себя его руки, поднялась, уселась в свободный шезлонг и закурила:

– Подумаешь, обидели дедушек с бабушками. Их кино закончилось, пора кинотеатр освобождать.

– Ты куда лучше, когда молчишь, – вздохнул Голенев.

– Конечно, вам подавай куклу. Трахнул – и в сторону. Нет, мой милый, мы тоже кое-что можем и кое-что понимаем. Нравится вам это или нет. Вот приватизируем отели, увидишь, на что способна твоя Мака.

– Догадываюсь. Кстати, Нелидов прислал письмо, в конце месяца назначили аукцион.

– Без тебя знаю. Я все уже сделала.

– Что ты сделала?

– Припугнула кое-кого, чтобы не вздумали разевать рот на наш каравай. Я в ремонт этих сараев кучу денег впендюрила.

– Опять с бандитами связалась?

– Не волнуйся...

– Хотелось бы поконкретнее.

– Зачем тебе? Занимайся своими сынками, а я уж там как-нибудь разберусь. Ты, солдат, прекрасно устроился. Живешь здесь буржуем, а я на передовой веду сражение за наши общие бабки.

– Сколько раз говорил, нужна помощь, дай знать.

– Не жалею, милый. Я девушка бездетная, времени у меня много. Просто напоминаю о том, кто чем занят.

Голенев промолчал, налил себе коньяку и разом выпил. Он всегда после близости с ней ощущал пустоту. И даже когда она оставалась рядом, ему казалось, что он совершенно один. Все менялось, стоило приехать из Москвы Ирочке или появиться в доме его мальчишам. Рядом с ними он переставал страдать от одиночества, которое после гибели Тони и Тихона все чаще наваливалось тяжелым камнем. С Макой все было не так. Олег не понимал почему, и злился. Его возлюбленная не только отдавала себя ему в постели. Она прекрасно справлялась с их делами. Общий капитал компаньонов возрастал год от года. Мака выкупила не один цементный завод в Глухове. Они владели акциями еще трех солидных предприятий. Но теплее с ней ему от этого не становилось. И после нескольких совместно проведенных дней, а особенно ночей, даже мысль о том, что она завтра летит в Москву, Олега не огорчала. “Мака права. Я отношусь к ней как к кукле”, – с грустью подумал он о любовнице, поднялся и пошел варить ей кофе.

Ира брела по Старому Арбату, разглядывая витрины и лавки с сувенирами. Сегодня она сдала последний зачет по западной литературе, и сдала на отлично. Ей достался Теодор Драйзер. Две последних недели она часами штудировала его трилогию. Удивлялась сходству Америки времен “Финансиста” с нынешней родиной. Так и построила свою работу на сравнительном анализе. Профессор Неглянский пожал студентке руку и росчерком золотого пера украсил ее зачетную книжку. Девочки предлагали отметить конец сессии в кафе, но Ира отказалась. Хотелось побыть одной. На улице художники торговали своим талантом. Она остановилась возле лысоватого полненького творца, с интересом понаблюдала, как он создает карикатуру с высокого холеного мужчины. Действо казалось особенно комичным, поскольку натура держалась величественно, без тени улыбки, а на мольберте возникал злой шарж.

“Умный мужик. Он же видит, как его уродуют, и, кажется, доволен”, – подумала Ира про заказчика, улыбнулась и пошла дальше. Следующую остановку совершила возле золоченой Турандот. Памятник персонажу Вахтанговского шлягера сверкал в лучах весеннего солнца. Возле него фотографировался чернокожий турист, а трое ребят брэнчали на гитаре и что-то пели. Вокруг собралась небольшая толпа.

– Давайте после негра вместе сфотографируемся, – услышала она красивый баритон возле своего уха и оглянулась. Перед ней стоял тот самый мужчина, с которого рисовали карикатуру. Он и держал в руках свернутый лист ватмана.

Ира нахмурилась:

– Вы так знакомитесь с девушками?

– Как так? – Ответил он вопросом на вопрос.

– Предлагаете себя в качестве украшения?

– Я же красивый мужчина, – ответил он совершенно серьезно и, словно раздумывая, добавил: – Но вас украшать не надо, вы сами обворожительны.

– Не люблю фотографироваться. Извините.

– Жаль. Я себе уже сделал один подарок, захотелось и второго.

– Этот? – Ира кивнула на свернутый ватман.

– Да. Я сегодня родился.

– Поздравляю.

– Спасибо. Имелась альтернатива – собрать приятелей в ресторане и выслушать много слов о себе любимом. Но мне это показалось скучным, и я решил подарить себе день безделья. Ну, и немного милых сюрпризов.

– Как трогательно. Я должна войти в их число?

– Если вам это обидно, могу спеть вам серенаду. – Не дожидаясь ответа, протянул гитаристу пятьсот рублей одной купюрой и забрал у него гитару. Ира с интересом пронаблюдала за действиями незнакомого кавалера. Она уважала неординарность мыслей и поступков людей. Тем временем незнакомец провел пальцами по струнам, артистично прокашлялся и действительно запел: “От Севильи до Гренады в темном сумраке ночей раздаются серенады, раздается звон мечей...”.

Прекрасный мягкий баритон никак не вязался с выражением его лица. Оно застыло в маске поющей заводной куклы. Исполнив всего два куплета, певец вернул гитару хозяину и обратился к ней за отзывом:

– Вам понравилось?

– Вы здорово поете. Почему прервали песню?

Он ей подмигнул:

– Когда хорошего слишком много, оно становится плохим. Не хотите фотографироваться, согласен на другой подарок. Пошли, перекусим. Я знаю тут хорошее кафе с грузинской кухней.

– На это я, пожалуй, согласна, но с одним условием.

– Заранее принимаю.

– Каждый платит за себя.

– На лету подрезаете крылья. Знаете, какой я богатый?

– Не знаю и знать не хочу. – Ответила Ира: – Где ваше кафе?

Они спустились в маленький подвальчик и уселись в нише. Кафе было оформлено в виде грота. В глубинах каменных стен стояли глиняные кувшины и старинные бутылки. Дневной свет едва проникал в маленькое окошко под потолком, и на каждом столе горел маленький светильник.

– Владимир Ясное солнышко, – представился незнакомец.

– Ира, студентка. У меня тоже сегодня почти праздник. Сдала последний зачет.

– Это великолепно. Давайте съедим по такому случаю два карских шашлыка. Здесь их хорошо готовят, – предложил Владимир.

– Заказывайте, что хотите, раз вы тут все знаете. Но мое условие остается в силе.

Владимир подозвал жестом официанта, распорядился насчет меню, и, когда тот удался, спросил:

– Вы тоже богатая девушка?

Ира вздохнула:

– В деньгах меня родители не ограничивают.

– Что так грустно сообщаете столь оптимистическую информацию? Лучше, чтобы ограничивали?

– Не хочу об этом говорить.

– Дело хозяйское. А вот я очень богатый, и радуюсь этому каждый день. Люблю деньги.

Ира внимательно посмотрела на своего случайного кавалера, стараясь определить, шутит он или говорит серьезно. Но понять по лицу Владимира не смогла.

– Вам нравится морочить людям голову, – сделала она вывод.

– Я не только красив, но еще и загадочен. Думаете, лишь прелестным девам идет играть в тайны? Мужчины еще больше любят наводить тень на плетень. Но деньги я, правда, очень люблю. Деньги это свобода. А что может быть прекраснее свободы!

Ира подумала об отчине:

– Я знаю человека, у которого денег много, а он раб.

– Это грустно, – ответил он и замолчал. Ей показалось, что на сей раз его слова прозвучали искренне. Официант принес на подносе бутылку вина и наполнил их бокалы.

Она тряхнула головой и трогательно сморщила носик:

– Ну что же... Давайте выпьем за ваш день рождения.

– И за ваш последний зачет. Теперь диплом?

– Да, теперь диплом. Но я суеверная и за это пить не буду.

– У нас и так достаточно поводов. – Он легонько коснулся ее бокала. Раздался тонкий мелодичный звон. Ира улыбнулась и сделала глоток. Вино пахло настоящим виноградом.

– Я такое пила в Италии.

– Путешествуете?

– Да, мама меня балует.

– А папа?

– Мой отец погиб в Афганистане.

– Простите. Не хотел вас расстраивать.

– Ничего. Я родного папу совсем не помню.

– Вас растит мама, и не ограничивает деньгами. Она занимается бизнесом?

– Моя мама директор детского дома. Но деньги в семье есть. У меня отчим мэр города.

– Надеюсь, не Москвы?

– Нет, что вы?! Я из маленького городка.

– Слава Богу! – Вырвалось у него непроизвольно.

– Вы так не любите московского мэра?

– Дело не в этом. Но с его дочкой я бы справлять свое рождение не хотел. Все хорошо в меру...

– Сколько вам сегодня исполнилось?

– Задаете нескромные вопросы.

– Вы же не женщина.

– Сорок четыре.

– Вы на три года старше его.

– Кого, если не секрет?

Ира внезапно покраснела и, чтобы скрыть смущение, пригубила вина:

– Секрет.

– Ой, как обидно.

– Что вам обидно?

– Я уже размышлял, что допою вам серенаду при луне под окнами. А ваше сердечко, оказывается, занято. Да еще и моим ровесником.

– А что это меняет?

– У зеленого юнца я бы вас отбил. А у мужика своих лет, не уверен. Да еще вы так смутились, что надежд у меня не осталось вовсе. Когда свадьба?

– Какая свадьба?

– Ваша со счастливым соперником. Я не могу поверить, что взрослый мужик, пленивший сердце такой прекрасной девушки, предложит ей стать своей любовницей. Он же не прохвост?

– Он замечательный. Таких теперь нет.

– Вы меня хороните заживо. Так когда свадьба?

– Не будет никакой свадьбы. Он даже не догадывается, что я о нем так думаю.

– Как, так?

– Как о мужчине своей мечты. И давайте закроем эту тему.

– Как хотите. К тому же вот и наши шашлыки. А баранину надо есть горячей. Хватайте ребрышко руками, и вгрызайтесь в горячую плоть. – И не дожидаясь ответа, Владимир показал пример. Ира посмотрела на него и тоже принялась за еду.

– Какой вкусный! Вы знаете толк в гастрономии.

– Я ужасный обжора. Только нормально поесть обычно некогда. Но сегодня мой день.

– Еще раз поздравляю.

– Еще раз спасибо. Пришла пора выпить.

Ира прикрыла свой бокал ладошкой:

– Мне больше не наливайте. С меня хватит.

– А я выпью. И выпью за мою прелестную весталку.

– Вы знаете про богиню Весту и ее жриц?

– А почему вас это удивляет?

– Да так. Вы вообще человек странный. Чем вы занимаетесь?

– Покойниками.

– Какой ужас! Вы шутите?

– Нисколько. Я специалист по уходу из этого мира.

Ира отодвинула тарелку:

– Вы меня напугали. Вы роете могилы?

– Тоже доходное дело, но им занимаются другие. Я работаю с остывшей плотью на предыдущей стадии.

– Вы священник?

– Я патологоанатом.

– Врач.

– Можно и так сказать. Но мне легче. Врачебная ошибка может дорого стоить живому пациенту, а покойнику навредить трудно.

– Все равно медик. – Она облегченно вздохнула и доела баранину.

– После шашлыка все же надо выпить. Раз ваше сердечко занято, предлагаю вам дружбу. Давайте за дружбу. – Он снова тихонько коснулся ее бокала, дослушал смолкающий звон и осушил свой. Ира допила остаток вина:

– Спасибо за компанию. Мне пора.

– Так рано?

– Для меня в самый раз.

– Разрешите, я вас провожу. Так хочется пройтись с вами по весеннему Арбату. Пусть мне сегодня прохожие завидуют. Они же не знают, что вы любите другого.

– Никого я не люблю. Попросите счет. – Она открыла сумочку и достала портмоне с деньгами.

– Послушайте, Ира. Вы можете презирать мужчин, но унижать их не имеете права. У нас в России пока не принято разрешать девушкам платить по счетам за угощение. Я не студент, и давайте не будем проявлять упрямство.

– Если вам так хочется, платите. Но провожать меня не надо.

– Тогда я здесь немного еще посижу. Не возражаете?

– Не возражаю. И раз вы такой щедрый, сделайте мне подарок.

– Все что захотите.

– Отдайте мне эту картинку. – И она кивнула на свернутый ватман.

– Вы желаете иметь мой портрет?

– Да. Он мне очень понравился.

Владимир поднялся, вручил ей рисунок и галантно поклонился.

– Спасибо вам большое. – Ответила Ира, взяла рисунок и пошла к выходу. По дороге она слышала, как Владимир заказал себе еще коньяка.

Выбравшись из подвала, зажмурилась от яркого солнечного света и быстро зашагала к метро. Спускаясь по эскалатору, развернула ватман. С листа бумаги на нее взирал напыщенный индеец с маленькой головкой и огромным туловищем.

“И почему я нахамила этому мужику. Он очень даже приятный человек. А я хамка”, – и сделав такое заключение, сразу успокоилась. Пока ехала в метро, едва сдерживала улыбку. Все время хотела еще раз посмотреть на шарж, что держала в руке. Пересилила это желание и вскоре о рисунке забыла. Вспомнила маму и решила ей срочно позвонить. До общежития едва не бежала. У нее сегодня не намечалось никаких дел, и она сама не понимала, почему спешит. Она вполне могла прогуляться с Владимиром по Арбату, а потом еще и в кино сходить. С таким кавалером совсем не скучно.

В университетском общежитии она делила комнату со Светланой Корнеевой, студенткой из Костромы. Девушки дружили и часто занимались вместе. Светлану Ира застала дома. Та только приняла душ и сушила волосы феном.

– Привет, Ирка. Пляши!

– В честь чего?

– Тебе телеграмма и денежный перевод. За телеграмму расписалась, а за деньгами сама на почту топай.

– Из дома? – Голос Иры радости не выдал.

– Из Англии.

– Где!?

– На кровать твою положила.

Ира бросилась к постели, схватила бланк и, беззвучно шевеля губами, прочла:

“Ирочка нашим мужикам пятнадцатого июня вручают дипломы. Хочу тебя видеть торжестве. Билет бери заранее, сообщи номер рейса. Встречу аэропорту Лондона. Помнишь стоянку справа на площади, перед аэровокзалом Хитроу”. И подпись – “Олег Коленев”.

– Плясать будешь? – Выключив фен, поинтересовалась Света.

– Еще как! – Крикнула Ира, подбежала к подруге, стащила ее с кресла и закружила по комнате.

– Ты сумасшедшая.

– Я самая счастливая на свете! Я опять поеду к нему! – Ответила Ира, завалила Светлану на тахту, а сама продолжала кружить, прижимая телеграфный бланк к сердцу. Потом расправила свернутый лист ватмана и прикрепила шарж на стенку.

– Кто это? – Спросила Света.

– Мой сегодняшний рыцарь. Правда, красивый?

– Ужас какой! – Ответила девушка, и обе проказницы расхохотались.

Голенев проводил Маку в аэропорт и на обратном пути заехал в Лондон. Ему надо было решить в Российском посольстве вопрос о поездке группы студентов университета и их преподавателя в Москву и Санкт-Петербург. Он обещал профессору Слоуну, что оплатит путешествие и поможет ускорить технические вопросы. С консулом Владимиром Федоровичем Раскиным Олег давно успел познакомиться, и у них сложились добрые отношения. И на этот раз чиновник принял его сразу, и они быстро обо всем договорились. Голенев пообедал в маленьком ресторанчике в самом центре Сити и отправился домой. Из машины он позвонил Слоуну и обрадовал профессора.

– Пятого июля получите визы.

– Спасибо, мистер Голенев. Я давно мечтал об этой поездке в Москву и Санкт-Петербург.

– Сначала летите в Питер, пока там еще белые ночи, а затем уже в Москву.

– Прекрасно, мистер Голенев. А у меня для вас тоже есть хорошие новости. – Ответил Слоун: – Все ваши парни сдали последние экзамены. А работа Юлия Постникова заслужила аплодисменты профессорского жюри. И, кажется, вас ждет сюрприз.

– Не томите душу.

– Пока не имею права.

– Ладно, потерпим.

– Да уж потерпите. Так что осталось только торжественно вручить им документы, и они свое образования могут считать законченным.

– И Леня? – Недоверчиво переспросил Олег.

– И Леня. – Усмехнулся в трубку профессор Слоун: – Представьте себе, на отлично. Случай уникальный – отъявленный хулиган выбрал факультет криминалистики и блистательно его завершил.

– Вы меня и вправду обрадовали. Надо будет отметить это событие. Что если сегодня вечером я приглашу вас с ректором поужинать?

– Я с огромным удовольствием. А насколько располагает временем сэра Чарльз, я не знаю.

– А вы поговорите с ним и позвоните мне.

– Нет, мистер Голенев. Хотя мы с ректором считаемся друзьями, приглашение должно исходить от вас.

– Не возражаю, – ответил Олег и набрал номер ректора. Но секретарша не смогла его соединить:

– Сэр Вайтли сейчас занят. Оставьте ваш номер.

Голенев продиктовал телефон, убрал трубку в карман и прибавил скорость. Известие о том, что Леня сдал экзамен на отлично, обрадовало Олега. Он вспомнил, как они вместе с бывшим детдомовцем Леной Касаткиным бросали курить. Даже поспорили, если кто закурит – лишится шевелюры. Однажды Голенев договор нарушил. Но Леня его простил, и бриться наголо не пришлось. После гибели Постникова Олег закурил снова и больше бросать не пытался, но Леня курить не начал. Парень не стал пьяницей или наркоманом, но пока рос, приемному отцу проблем хватило и без этого. Голенев-Касаткин таил в себе необычайный запас энергии, который выплескивался в самых разнообразных и не всегда пристойных формах. Парень мог подложить на стул учителя муляж кобры, украденный им из кабинета биологии, или принести на урок живого крокодила. Это пока был подростком. В студенческие годы он шалил еще с большей фантазией.

На третьем курсе, изменив голос, позвонил в службу безопасности и сообщил, что в университете заложена бомба. За эту шалость Леню чуть не исключили. Олегу с трудом удалось уговорить ректора проявить снисхождение к сыну. После трудного разговора с сэром Чарльзом он даже взялся за ремень. Но перед тем как выпороть чадо, приказал объяснить

причину хулиганского поступка. Выяснилось, что весь курс Лени мечтал попасть на концерт Майкла Джексона в Лондоне. И не только его курс, но и многие другие студенты. Пока искали бомбу, они всей компанией на этот концерт и отправились. Олег пороть сына не стал, но все, что думает о нем, высказал без стеснения. Разговор подействовал. Ангелом Лень не заделался, но подобного безобразия больше себе не позволял, да и учиться стал лучше. Тем не менее известие о том, что он сдал последний экзамен на отлично, Голенева приятно удивило.

По обе стороны трассы тянулись поля, отгороженные от дороги сетчатым забором. На сочной темно-зеленой траве паслись отары знаменитых уэльских овец. Здешние фермеры специализировались на разведении племенных животных. Олег вспомнил картины старых английских мастеров. Не так давно он ездил со своими ребятами в национальную галерею и там подобных пейзажей насмотрелся вдоволь. И сейчас, поглядывая в окно, удивился, насколько точно передавали художники картины своей родины, которые за пару сотен лет не слишком изменились.

До Сванси оставалось километров сорок, когда зазвонил телефон. Олег взял трубку и поехал тише. Он ждал звонка ректора, и не ошибся. Звонил сэр Чарльз.

– Мистер Голенев, профессор Слоун уже передал мне ваше приглашение. К сожалению, сегодня вечером я занят. Как я понимаю, вы после торжества, связанного с вручением дипломов, собираетесь на родину. Или я не прав?

– Вы правы, я планировал ехать в Россию.

– Хотел бы с вами встретиться до вашего отъезда, и как можно скорее.

– Готов в любое время. Вы человек занятой, а я о себе этого сказать не могу. К тому же и мне надо вам кое-что сказать.

– Прекрасно. Я хотел бы вас видеть завтра утром в своем кабинете. В десять вам не рано?

– Ровно в десять я у вас.

– До встречи, господин Голенев. И хочу вас поблагодарить за ваши хлопоты. О поездке в Россию наших студентов мне тоже доложили.

Подъезжая к дому, Олег увидел маленькую японскую машинку Юлика и обрадовался: “Неужели ребята приехали?” Но Юлик приехал один. Голенев обнял юношу.

– Поздравляю с защитой.

– Спасибо. Я приехал посоветоваться.

Голенев указал на кресло у камина и уселся сам:

– Есть хочешь?

– Нет, я пообедал в университетской столовой.

– Тогда выкладывай.

– Меня сегодня вызвал к себе наш ректор, – начал Юлик и замолчал.

– Дальше, – поторопил Голенев.

– Он предложил мне остаться в университете в качестве профессора.

Олег немного растерялся от известия, но вида не подал:

– И что ты решил?

– Пока ничего. Хотел услышать, дядя Олег, твое мнение.

– Ты уже сам взрослый мужик. Я за тебя решать не могу.

– Я этого не прошу. Хочу знать, что ты об этом думаешь?

Голенев встал с кресла и подошел к окну. Ему не хотелось, чтобы Юлик видел его лицо:

– Я рассчитывал, что ты приедешь в Глухов и займешь место своего отца. Лень, Митя, Саша и Тема стали бы твоими помощниками. Вместе вы бы подняли город. Это моя мечта. Но мечты не всегда осуществляются. Я человек уже не молодой, и это хорошо понимаю.

Юлик поднялся и подошел к Голеневу:

– Тогда я откажусь. Мне тоже, дядя Олег, хочется домой. Я маму давно не видел. И потом, там... – И он явно смутился.

– Кто там? Договаривай.

– Да, так... – Уклонился от ответа юноша.

– Не хочешь, не говори. – Улыбнулся Голенев: – Но решать этот вопрос придется тебе самому.

– Я уже решил. Ира давно не звонила?

– Надеюсь, приедет на ваше торжество.

– Правда!? Откуда ты знаешь? – Юлик не смог скрыть волнения, густо покраснел и стал очень похож на отца. Олег невольно воскресил в памяти образ погибшего друга.

– Ты мне так и не ответил, – напомнил Юлик.

– Я послал ей телеграмму. Если не могла, позвонила бы. Значит, собирается. – Улыбнулся Олег и подумал: “Неужели у Юлика к Ире что-то серьезное?”

– Здорово! Можно я поеду ее встречу?

– Конечно, поедem вместе. Она, когда возьмет билет, мне сообщит.

Юлик еще немного посидел с Голеневым. Но выглядел рассеянным и часто смотрел на часы. Олег его не задерживал. Простившись с парнем, он вышел в сад, спустился к пляжу и уселся в шезлонг. На столике еще лежали сигареты Маки и бутылка коньяка. Он налил себе пол-стакана, сделал глоток, припомнил смущенное лицо Юлика и вытянул из пачки сигарету. Прележав несколько дней на улице, табак немного отсырел, но Голенев этого не заметил. Сегодня он как-то особенно остро понял, что его дети выросли. У них уже начинается своя взрослая жизнь, и он сомневался, вправе ли навязывать придуманную для них жизненную схему. Но тогда как быть с целью, ради которой он столько потратил сил и времени? Он учил своих сынов и Юлика Постникова, для того, чтобы повзрослев, они вернулись домой и сделали, то, что не смогли их родители. Создали хоть в маленьком Глухове модель нормальной европейской жизни. Голеневу для этого не хватало образование. Он, конечно, поможет, и сил еще достаточно, но руль брать в свои руки должны молодые. Потом он стал думать об Ире. Его с девушкой связывали какие-то особенно нежные отношения. Когда Ира приезжала, все наполнялось удивительным светом. Ира излучала солнышко. Ему было грустно, что у Лены и Трофима не все хорошо. Он знал, что отчим Ирочки становится пьяницей. Голенев не понимал почему? Ведь Трофим занял место Постникова. У мэра города нагрузка не шуточная. Молодого мужика это должно стимулировать. Рядом любимая жена, хороший новый дом, возможность помогать людям своей работой. Что еще нужно для счастья мужчины!? А он запил. Голенев сам стал понемножку прикладываться к спиртному. Недаром любовница его предупредила – “Смотри не спейся”. Но с ним все понятно. Настоящего острого дела нет. На родине прекрасно обходятся без него. И здесь, в Англии, парни учатся без его помощи. Большой любви тоже нет. Мака скорее привычка, чем лирическая привязанность. Ее тело по-прежнему волнует его мужское начало, оставляя душу и сердце спокойными. Но зависимости от алкоголя Голенев не боялся. Он знал, в любой момент может убрать бутылку в бар и забыть о ее существовании.

После встречи с Юликом Олег догадался, о чем хочет говорить с ним ректор. Посоветует оставить Постникова в Англии. Бывший афганец сам хотел и боялся последней встречи с сэром Чарльзом. Впервые познакомившись с ректором, он мучительно вспоминал, откуда знает его фамилию, и вдруг понял – у него на руке часы с гравировкой на обратной стороне – Bear with honour, что переводится как “носи с удовольствием” или “носи с гордостью”, и подпись “твой отец Чарльз Вайтли”.

Отец Никодим сам чувствовал, что провел воскресную службу вяло. Толпа, заполнившая маленький храм, держалась плотной массой, и воздуха верующим не хватало. Священ-

ник тоже начинал задыхаться и воскресную службу по возможности сократил. Когда он уходил за Врата Господни, видел, как бабки в правом пределе шушукались и неодобрительно поглядывали ему в спину. Никодим забыл подойти к ним и окропить святой водой. Рассеянность батюшки проистекала не только от спертого воздуха, но имела и вторую вполне мирскую причину. Молодой священник со вчерашнего дня ждал свою главную прихожанку и не дождался. Он уже было скрылся от своей паствы, но его кто-то схватил за рукав:

– Исповедоваться бы, батюшка. Грех на мне. – Священник оглянулся и увидел полную женщину, взирающую на него с тихим восторгом.

– Приходи, сестра, в любой будний день. Сегодня Воскресенье, и не положено, и народа тьма. – Отказался Никодим, но прихожанка не сдавалась, схватила его руку и присосалась к ней поцелуем: – Смилуйся, батюшка, трудно терпеть. Исповедуй.

– Ладно, сестра, иди за мной. – В маленькой церкви, выстроенной бандитом Кашеевым, исповедальной комнатки не имелось. Да в его времена не возникало и большой необходимости в этом. Кашеев стоял церковь для себя и на приток верующих не рассчитывал. На территорию его царства горожане приходили за покупками, а молились в церкви деревни Щеглы. Маленькая деревянная часовня на кладбище постоянно не действовала. В ней отпевали покойников. А город, с тех пор как храм на Вороньем холме большевики взорвали, своей церкви не имел. Но времена изменились. На месте кашеевского кооператива возникли огромный супермаркет и здание офиса компании Маки из стекла и бетона. Заведовал офисом приезжий немец, благодаря чему супермаркет и его окрестности горожане прозвали Немецкой слободой. Из прежних строений подружка убиенного бандита сохранила церковь и свой коттедж. Народ в супермаркет съезжался со всей округи, и маленькая церковь теперь едва вмещала прихожан. Построив себе особняк на берегу реки, Мака передала кашеевский коттедж отцу Никодиму.

– Ну в чем ты грешна, раба Божья? – Рассеянно поинтересовался батюшка.

– Мне стыдно, – прошептала толстуха, продолжая пожирать глазами священника.

– Перед Господом стыда нет, а я слуга его на земле. Так что и меня стыдиться не нужно. Выкладывай. – Ободрил женщину священник.

– Грешна я, батюшка, и в своих помыслах, и в своих желаниях. А по-людски сказать, любовь к тебе извела мою бабью душу. Вот и пришла открыться.

Никодим осмотрел женщину, отметив про себя ее объемные прелести, и покачал головой:

– Не искушай, сестра, понапрасну. Не будет этого. Что вы, сговорились все!? Я же священник, а не племенной жеребец.

– А вот хозяйку свою не гонишь, – продолжала настаивать влюбленная прихожанка.

– У меня нет хозяйки. Ты что-то путаешь, сестра. Надо мной один Хозяин, Господь наш.

– Не лукавь, батюшка. Все знают, что Соловьева частенько у тебя ночует. Люди-то видят. Она же тощая, как смерть. А я мягкая да ласковая. Пригласи, в любое время приду. Вот, потрогай. – Она освободила одну из своих внушительных грудей от одежд и продемонстрировала батюшке.

Никодим, расталкивая толпу прихожан, вырвался на улицу и, приказав сторожам проследить за порядком в храме, быстрым шагом двинул к своему коттеджу. Если бы не сан и длинные одежды, он бы с удовольствием перешел на бег. Но коттедж отстоял от церкви всего метров на двадцать, и Никодим вскоре скрылся за его стенами.

– Привет, батюшка. – Он вздрогнул и увидел Маку. Она, по привычке, сидела без одежд в кресле и смотрела на него своим немигающим взглядом – У тебя такой вид, будто сзади стая волков гонится.

– Только от бабы вырвался, одна прихожанка чуть не изнасиловала.

– А ты не поддавайся. Силы для меня сохраняй, – усмехнулась Мака. Встала с кресла и подошла к нему: – Веди меня в свои чертоги.

– Я тебя вчера ждал....

– Вчера я в другом месте грешила. Отпустишь грешок?

– Окаянная ты. Погубишь мою душу, – тихо отозвался Никодим, но обнял Маку и повел в спальню. Она бросилась на кровать и не без ехидства отследила, как он разоблачается из своих одежд.

– Как же я по тебе истосковался, – прошептал Никодим, заключая ее в свои объятия.

– Теперь получишь свое. – Ответила она и повалила его на спину: – Лежи тихо. Я сама с тобой поиграю.

Он послушно опустил руки вдоль тела и зачарованно смотрел на происходящий на нем танец. Не выдержал, потянулся к ее маленькой груди и получил пощечину.

– Не трогай. Сказала, сама. – Прошипела любовница, и он послушно руки одернул. Не останавливая свой танец, она улыбнулась краешком губ, продолжая рассматривать его красивое молодое лицо с черной окладистой бородкой, нежную кожу, лишенную волосаного покрова, разметавшиеся по подушке кудри, длинные пальцы рук с ухоженными ногтями. Под ней лежал прекрасный молодой мужчина, и его сан только раззадоривал ее страсть. Не даром толпы прихожанок добивались его благосклонности. Почувствовав оргазм, она завопила истошным голосом и до крови расцарапала ему грудь. Он хотел продолжения, но она покинула его, достала из пачки сигарету.

– Господь от меня отвернется. – Вздыхнул он и прикрылся простыней.

– Перестань ныть. Твой боженька такой же миф, как все сказки на этой земле. Жизнь только здесь. Сдохнем, превратимся в кусок дряблого тухлого мяса.

– Ты не хочешь понять, плоть – лишь одежда для нашего духа. А дух бессмертен. Я свою душу из-за тебя загубил. Ты дьявол-искуситель.

– Дурак, я обыкновенная стареющая ведьма. Не видишь, что со мной делают годы? Я превращаюсь в живую мумию.

– Ты прекрасна. – Никодим смотрел на ее худое тело влюбленными глазами, не замечая чрезмерной худобы своей любовницы, ее выступающих над животом ребер, маленькой, но уже не столь упругой груди. Он не видел в ней недостатков. Он любил эту женщину и восхищался ею. Она стала его наркотиком, его болезнью и его счастьем.

– Все мужики идиоты. Я всегда это знала. Скажи, как мне вести себя с избирателями? Ты же священник, умеешь обращаться с толпой.

– Что ты хочешь от меня услышать?

Мака затушила сигарету о серебряный потир старой русской работы и рассмеялась:

– Я могу сказать им правду. Поведать, что я блядь. В молодости переспала с кучей подонков, своим телом выбилась в бизнес, а потом поняла, что грехи надо искупать, и стала святая. И теперь для меня главное это искупление. О себе не думаю, все для них. Это одна песня. Вторая проще. Я родилась ангелом, несу людям свет и деньги. Хочу всех сделать богатыми и счастливыми. Каждой бабе по члену, каждому мужику по счету в банке. Есть и третий вариант. Я подружка ветерана-афганца. Знаю, как несправедлива страна к своим воинам. Каждому офицеру обещаю в конце службы по квартире, денег за ратный подвиг и надел земли – на старости лет репу сажать. Три таких песенки. Посоветуй, что выбрать?

– А ты не советовалась со своим дружком-афганцем?

– С Голеневым? Ты кретин или юродивый? Чего с ним советоваться? Для него я пока-явшаяся блядь. Узнает другое, бросит.

– Я не стал бы исповедоваться перед рабами божьими. Это Господь умеет прощать. Прихожане прощать не умеют. Они могут тебя пожалеть, но уважать не будут. А дальше решай сама. Я в мирских кознях плохой советчик.

– Почему плохой? – Усмехнулась Мака: – Ничего. Я приму к сведению. Хочешь меня еще разочек? – И не дожидаясь ответа, забралась к отцу Никодиму под простыню: – Давай. Только не очень долго... В шесть вечера у меня переговоры, ночью тусовка в доме моды, а в шесть утра на самолет.

Нелидов проснулся рано и пошел посмотреть, что сделали строители за вчерашний день. Накануне сидел допоздна на аукционе и, вернувшись домой, сразу завалился спать. Аукцион прошел так, словно Боги стояли за его спиной и помогали победить конкурентов. Те торговались, пока Нелидов не назвал сумму, которую они обговорили с Макой накануне. Выше уже никто не предлагал. Аукцион они выиграли. Оба отеля “Дружба” и “Парус” становились частной собственностью трех главных акционеров. Это было как в сказке, и бывший подводник еще раз поразился проницательности компаньонки. Спал всю ночь крепко, без сновидений, а рано утром отправился в пижаме на стройку. Он уже месяц назад начал реконструкцию своего гаража. Так Алексей Михайлович называл эту работу, хотя никакой реконструкции не происходило. Старый гараж был снесен за два часа, и рабочая бригада начала возводить бетонное сооружение с ремонтной “ямой”, подъемником, автоматической мойкой и небольшой автомастерской. Проект начертил сам хозяин. В новом гараже Нелидов рассчитывал разместить свой личный автопарк. Помимо любимой “Волжанки”, бывший подводник завел себе представительское “Ауди”, и двухместный Мерседес “Смарт”. На этой почти игрушечной модели он катался в редкие свободные часы, а в другое время получал мальчишеское удовольствие от обладания маленьким чудом. Да и все три его машины чаще простаивали без дела. Директора возили на “Джипе” фирмы, и за руль своих авто он садился редко.

Алексей Михайлович прошелся вокруг стройки и заметил, что его старое мандариновое дерево изрядно помяли. Пятясь задом, машина сломала ветку и содрала кору. Узкий проезд в ограде сада требовал от водителя грузовика ювелирной точности. Поэтому ругаться Нелидов не стал, а только тяжело вздохнул и осмотрел стройку. Вчера бетонную коробку накрыли крышей и, теперь рабочие навешивали тяжелые стальные ворота. Ворота имели электронный замок и вместо ключа дистанционное управление в виде брелка с кнопкой. Темпами работ Нелидов остался доволен и, отметив мастеру место для подъемника, вернулся в дом. В столовой его ждал обильный завтрак, а в спальне белоснежная рубашка. Став директором двух отелей, Нина Петровна своих привычек не изменила, продолжая готовить в несколько раз больше еды, чем они с мужем могли поглотить.

Нелидов сел за стол, выпил стакан крепкого чая с румяным поджаристым пирожком, вытер рот салфеткой:

– Спасибо, мать, побежал.

– Скушай еще хоть икры из синеньких. И вот курочки немного. Вкусная же курица.

– Верю, мать, но сейчас больше не могу. Потом перекушу в городе. Все равно предстоит кормить завтраком компаньоншу. Рубашку приготовила?

– Обижаешь, капитан второго ранга.

Он поцеловал жену в шейку и побежал бриться. Через десять минут к их воротам подкатил джип. Рядом с водителем сидел Анатолий Рогов – бывший афганский разведчик теперь неотлучно сопровождал директора. Приказ об этом поступил от Голенева из Англии. Сначала Алексей Михайлович возмущался, даже позвонил Олегу. Но тот довольно грубо пресек его жалобы: “Ты, Алеша, мне нужен живым, а нравится тебе постоянная охрана или нет, мне глубоко плевать”. И Нелидов смирился. Компаньон и так редко вмешивался в его деятельность, и упрямыться Нелидов права не имел.

Водитель тронул с места:

– Куда едем, Алексей Михайлович?

– Дуй, Ваня, в Адлер к аэропорту. – Приказал хозяин и посмотрел на часы. Московский рейс прибывал через сорок минут, и они вполне успевали.

Самолет приземлился по расписанию. Нелидов ждал у дверей, откуда обычно появлялись прибывшие пассажиры. Но пока еще никто не выходил. На дверь помимо него смотрели еще около трех десятков глаз.

Первым на улицу вылетел пятилетний карапуз, через значительный интервал за ним выскочила растрепанная женщина с чемоданом и огромной клеенчатой сумкой, какими пользуются “челноки”, огляделась и истошно закричала:

– Тончик, ты где!?

Кто-то подвел к ней упирающегося карапуза, и семья воссоединилась. Затем пассажиры пошли гуще. Нелидов сразу увидел стройную худощавую фигуру в маленькой кепочке и зашагал навстречу.

– Привет, Мака! Как всегда налегке?

– А чего хлам зря таскать, – ответила она и протянула Нелидову руку. Он поцеловал ей запястье и повел к машине. Рогов распахнул им дверцу. Мака покосилась на афганца, но ничего не сказала.

– Сразу в мэрию или сначала кормить? – Поинтересовался Нелидов.

– Пожрать, Лешка, успеем. Бумаги готовы?

– Все в порядке. Мэр нас ждет.

– Тогда в чем задержка?

– Кати в мэрию. – Распорядился Нелидов, и они тронулись.

Ощувив приятную прохладу в салоне, Мака похвалила Нелидова:

– Послушался, завел, наконец, себе машину с кондиционером. А то приезжаешь, как в печку.

– Да, в салоне прохладно. Воды хочешь?

От воды путешественница не отказалась. Рогов откупорил бутылку минеральной, налил в пластиковый стаканчик и подал на заднее сидение.

Мака усмехнулась:

– Натуральное хозяйство... Собственная вода из собственной посуды. – Отпила два глотка, приоткрыла кнопкой стекло и вышвырнула стакан с остатками воды на дорогу: – Как идут дела?

– Курортный сезон только начинается, а все автоматы уже работают с полной нагрузкой. – Доложил Нелидов.

– А отели?

Алексей Михайлович развел руками:

– На две четверти пустуют. Дорого людям.

– Не дорого людям, а рекламы на севере не даем. Вот и клиентов нет. Взаимосвязанные вещи. Ладно, займусь. Как с деньгами? Лимона полтора накапало?

– Не знаю. В бухгалтерии скажут.

– Мне, Лешка, деньги нужны. Скоро выборы в Государственную Думу. Решила стать депутатом.

– Зачем тебе в политику? – Удивился Нелидов.

– Старый мужик, а вопросы задаешь детские. Там бабки лежат, и большие. Пора переходить на другой уровень. Уже приватизировали нефть, уголь, сталь. Не хочу ушами хлопать.

Алексей Михайлович присвистнул:

– Ну ты и замахнулась, девочка.

– Я уже не девочка, а скоро ягодка опять... Помнишь поговорку?

– Тебе же еще сорок не стукнуло.

– Когда стукнет, будет поздно.

– Приехали. – Сообщил водитель, останавливая машину.

Рогов открыл им дверцу, проводил до парадного, проследил, как они миновали пост милиции и вернулся в машину.

– Не нравится, Ваня, мне эта баба.

– Наглая сучка. Капитана второго ранга Лешкой называет, – согласился водитель.

– Да не в этом дело. – Бывший афганец так и не рассказал Голеневу, как Мака встрелась с подручным бандита Жвания. Случилось это много лет назад. У скрипача из кафе “Ласточка” бандиты похитили внучку. Теперь это уже взрослая замужняя женщина, сама недавно стала матерью, а тогда ей не было и пятнадцати. Олег помогал музыканту найти девочку. Летучий отряд Сережи Скворцова, в котором до сих пор состоит и Анатолий, прочесал всех местных бандитов. За подручным Жвания, Вахтангом Самонидзе, следил Рогов. Он тогда не знал Маку в лицо, и когда она вошла в ресторан, где сидел Вахтанг, не обратил внимания. Понял, что допустил ошибку, на вечеринке, куда Олег Маку привел. Заподозрив, что подруга Голенева каким-то образом связана с криминалом, разведчик был обязан сообщить Олегу. Но внучка музыканта к тому времени уже нашлась, а Голеневу было не до того. У него на родине погиб друг детства. Так эта информация и осталась у Анатолия. Начальник летучего отряда, Сережа Скворцов, недавно узнав об этом эпизоде, назвал его “жопой”. Свою оплошность Рогов и подразумевал, ответив водителю Ивану Кацапову “Да не в этом дело”.

Нелидов с попутчицей вышли из дверей мэрии, громко беседуя. Оба улыбались.

– Теперь, Лешка, можно позавтракать. Мы полноправные владельцы отелей. – Сообщила Мака, усаживаясь в машину, и довольно потрясла над головой папкой с документами: – А кто этот хмырь, что стал мэром Бирюзовска? Нормальный парень?

Нелидов усмехнулся:

– Господин Сутягин? Что тебе сказать... Олег с него начал свой бизнес. Альберт Николаевич тогда ведал кооперативами в горисполкоме. Олег дал ему взятку. Кажется, первый и последний случай в его деловой практике.

– Взяточник со стажем – это хорошо. – Успокоилась Мака, и мэр города Бирюзовска ее интересоваться перестал. Маку теперь интересовали налоги.

– У меня есть одна мыслишка, чтобы не отдавать этим козлам бабки с отелей.

– О чем ты? – Насторожился Нелидов.

– О налогах, о чем же еще? Я предлагаю создать “совместку” где-нибудь на Кипре.

– Зачем нам это? – Продолжал недоумевать компаньон.

– Там зона свободного предпринимательства и налоги в половину меньше, да и бабки держать в зарубежном банке спокойнее.

– Это я понимаю, но где взять надежного зарубежного компаньона? Насколько я знаю, его уставной капитал должен быть основным?

– Об этом не волнуйся. В университете, где учатся сынки Олега, есть одна русская девочка. Ее муж преподаватель вполне подходит. Я оформлю СП на него.

– Тебе виднее. – Согласился Нелидов.

Завтракали они в своем собственном отеле “Парус”. Здесь давно закончили ремонт, и зал ресторана радовал глаз изысканным дизайном. Мака поинтересовалась у метрдотеля выручкой за неделю, обругала за отсутствие рекламы ресторана в городе и выпила чашку бульона. Бульон ей понравился. Нелидов сидел молча. Со стороны могло показаться, что он вовсе не генеральный директор и совладелец компании, а служащий Маки.

После завтрака поехали в офис. Алексей Михайлович отвел ее в бухгалтерию и направился в свой кабинет. Молоденькая секретарша Лиза подала ему факс. Олег Голенев приглашал компаньона в Сванси по случаю торжественного вручения дипломов его сыновьям. В факсе имелся московский номер телефона, по которому Нелидов мог получить экстрен-

ную помощь по оформлению визы. Внизу стояла приписка – “Рогова тяни за собой до трапа самолета в Шереметьеве”.

Алексей Михайлович прикинул время и понял, что должен вылететь через десять дней. Он уселся к компьютеру писать электронный ответ Олегу. Пока входил в почту, в кабинет вернулась Мака. Усевшись в кресло, она заглянула на стол и прочитала факс:

– В Англию намылился?

– Вот, Олег приглашает. А ты летишь?

– Я недавно там была. Пусть празднует с друзьями. У меня с его мальчиками особого контакта не возникло.

– Жаль, – вздохнул Нелидов.

– Жаль, не жаль, а факт. Когда полетишь в Москву, позвони. Вышлю к трапу автомобиль.

– Прямо к трапу? – Улыбнулся Нелидов.

– Если машина могла бы подниматься в самолет, прислала бы в салон.

– Ты же пока не депутат?

– Вот потому, что я все могу, буду и депутатом. Так что звони. А сейчас вези меня в аэропорт. Пора возвращаться.

– Я думал, погостишь пару дней? В море искупаешься?

– В гробу я видела ваше море. У меня дома бассейн. Деньги надо делать.

– Что в бухгалтерии?

– Перевела на свой счет полмиллиона долларов. На начало пиара мне хватит.

– Крутая ты у нас девушка, – вздохнул Нелидов и вызвал водителя.

Лена только закончила урок и, собрав тетради, поднялась в свой директорский кабинет. Последние три дня она ходила сама не своя и только старалась, чтобы ее внутренняя жизнь не отражалась на лице и поведении. На уроках, объясняя ребятам новый материал и проверяя их знания, она немного отвлекалась. А на педсовете, который длился больше часа, заставить себя сосредоточиться так и не смогла. Детский дом получил от Олега Голенева очередной подарок. В каждом классе теперь будет стоять по компьютеру. Учебников по преподаванию с помощью виртуального помощника у нее пока не было, а она должна была объяснить учителям, как заставить работать на детей подарок бывшего детдомовца. Никто так ничего и не понял. Педсовет закончился общими фразами, и она понимала, что виновата сама.

Последние три дня Трофим пил. Если раньше ее супруг напивался только вечерами, то на этот раз, загуляв в воскресенье, на следующий день не вышел на работу. Она пыталась его вразумить, плакала, просила, устроила мужу скандал. Но ничего не помогло. Трофим и во вторник остался дома.

Она убрала тетради в стол, накинула плащик и поторопилась уйти с работы. По улице шагала, глядя себе под ноги. Ей казалось, что все горожане знают о пьянстве мэра и смотрят на нее осуждающе. Но и это было не самое страшное. Вчера вечером, когда она перед сном решила на последнюю попытку вывести мужа из запоя и вошла к нему в кабинет, он посмотрел на нее отсутствующим взглядом и сказал: “Ты должна меня ненавидеть. Я не стою твоей любви”. Она попыталась успокоить его. Сказала что-то нежное. А он на нее страшно заорал и запустил пустой бутылкой. Хорошо, что бутылка угодила в стену. Под звон разбитого стекла она захлопнула дверь и всю ночь плакала. Перед уходом на работу опять заглянула к мужу. Он спал на ковре и громко храпел. В комнате с порога отвратительно несло перегаром. И вот зная обо всем этом, она проводила педсовет. Хорошо, что не разрыдалась перед учителями.

Домой идти боялась. Покинув работу, направилась к Меджрицкой. Ей стало необходимо высказаться, кому-то рассказать о своем горе. Ближе Руфины Абрамовны человека

у нее не было. После того как Меджлицкая ушла на пенсию, они сначала виделись по несколько раз в неделю. Лена по каждому поводу бегала к старой воспитательнице за советом. Та всегда была ей рада и никогда в поддержке не отказывала. С годами их встречи становились реже. Лена уже сама многое поняла, нагрузки увеличивались, и у молодого директора не оставалось времени и сил часто навещать старушку. Но раз в месяц она обязательно приходила к Руфине Абрамовне, а звонила ей постоянно. Лена знала, что Меджлицкая ни в чем не нуждается. Группа старшеклассников помогала бывшей директрисе по хозяйству, и та имела полное обслуживание на дому. Причем ребята ходили к ней как на праздник. Несмотря на возраст, Меджлицкая не утратила чувства юмора, и дети ее обожали.

– Леночка, как я рада тебя видеть! Почему так не позвонила? Я бы уже успела организовать чай. – Радостно встретила ее Руфина Абрамовна. Но, внимательно оглядев гостью, тут же поняла – Лена пришла с бедой. Она взяла ее за руку и проводила в свою маленькую, заваленную книгами и учебниками, квартирку: – Что случилось, милая? На тебя смотреть страшно.

– Руфина Абрамовна! Я не знаю, что мне делать? – Воскликнула Лена, и губы у нее задрожали. Оказавшись рядом с близким человеком, она больше не могла сдерживаться. Старушка напоила ее чаем и понемногу успокоила. Лена рассказала о своем горе:

– Представляете, на работу не вышел?! Он мэр города! Это же позор. Что мне делать?

– Пойдем к нему. Я так постараюсь привести его в чувство. Не убьет же он старуху?

Лена отговаривала старую женщину, но Меджлицкая ничего слушать не хотела. До особняка на берегу реки они доехали на частнике. Во всех окнах двухэтажного дома горел свет. Лену это испугало. Раньше муж, если и пил, то делал это в своем кабинете. Она оставалась у крыльца, не в силах шагнуть к парадному. Меджлицкая взяла молодую подругу за руку и решительно открыла дверь:

– Он всегда не запирает дом? – Спросила она у Лены.

– Обычно я пользуюсь ключом, – шепотом ответила хозяйка коттеджа. Они вошли в холл. В помещениях стояла полная тишина. Везде горел свет, и везде – никого. Они обошли все комнаты, но хозяина не обнаружили. Затем вышли в сад, обогнули здание и увидели его под кустом сирени. Трофим сидел на скамейке в странной позе. В его ногах валялась пустая бутылка водки, а рядом белел листок бумаги. Скамейку освещал садовый фонарик, но голова Трофима оставалась в тени. Когда женщины подошли ближе, Лена заметила на его лице кровь. Ноги у нее подкосились. Руфина Абрамовна с неимоверным трудом усадила ее рядом с Трофимом и пошла в дом искать телефон. Позвонив в милицию и скорую, вернулась в сад с мокрым полотенцем. Лена оставалась на том же месте и смотрела на мужа полными ужаса, широко открытыми глазами. Руфина Абрамовна приложила ей ко лбу полотенце и попыталась заставить подняться. Со второй попытки ей это удалось. Лена встала и послушно пошла за ней в дом и так же послушно легла на тахту. Меджлицкая вернулась в сад. Она хотела найти листок бумаги, что лежал рядом с неподвижным мэром на скамейке. Но листок исчез. Она осмотрела землю вокруг и увидела маленький черный пистолетик. Старушка поняла, что Трофим из него и застрелился. Но куда делась бумажка? Она вернулась в дом и попыталась заговорить с Леной. Та ничего не помнила и ничего не понимала. Через несколько минут приехала милиция, а следом “скорая помощь”. Руфина Абрамовна сама едва держалась на ногах, но нашла в себе силы все членораздельно рассказать следователю Белянчикову. Захар Гаврилович подробно записал ее рассказ и попытался поговорить с вдовой. Но с Леной произошло несчастье. Она снова впала в состояние беспамятства, в котором пребывала несколько лет назад. Ее увезли в больницу. Руфину Абрамовну Белянчиков доставил домой на служебной машине. Старушка от нервного напряжения ослабла, но заставила себя подняться на второй этаж, войти в квартиру, принять сердечные капли и позвонить Голеневу в Англию.

Директор некоммерческого фонда “Узник совести”, доктор философских наук Ибрагим Казиев сидел в плетеном кресле у бассейна с листком в руке, старательно зазубривая несколько предложений. Одеждой, кроме полотенца, прикрывающего гениталии, он не пользовался. Полностью погрузившись в непривычное дело, бандит не видел и не слышал ничего вокруг. В том числе и двух обнаженных русалок, которые резвились в бассейне. Губы Казиева старательно шептали слова, написанные на бумаге, а глубокие морщины на лбу выдавали недюжинное напряжение мысли. Компьютерная распечатка несла следующую информацию: “Дамы и господа, извините нашего кандидата. Она сегодня уже провела встречу с избирателями и, наверное, задержалась в пробках. Уверен, с минуты на минуту прибудет”.

Казиев привстал с кресла и, не обращая внимания на упавшее к его ногам полотенце, громко вслух зачитал вышеуказанный монолог. Закончив чтение, посмотрел на бассейн и крикнул:

– Телки, я готов.

Русалки тут же выбрались из воды и встали возле Ибрагима. Казиев отложил листок на стул, поднял взгляд к потолку и попробовал произнести текст по памяти:

– Дамы и господа, извините, нашего кандидата. Она, бля, сегодня уже прове...

Договорить русалки не дали. Подскочив к чтецу, они спихнули его в бассейн и, радостно заверещав, прыгнули в воду сами. Казиев мрачно выбрался из бассейна, вытер полотенцем руки, взял листок, снова уселся в кресло и зашевелил губами:

– Уважаемые дамы и господа... – Бандит не был дебилом и столь несложный текст запомнил быстро, но произнести столько слов и не вставить между ними спасительную матерную добавку у него никак не получалось. Девушки должны были принимать экзамены и в случае неудачи устраивать “студенту” купание. Но тот продолжал упорствовать, они замерзли и попросили пощады.

– Хер с вами. Идите грейтесь... – Смиловившись Казиев, и русалки тут же исчезли. Он решил и сам сделать перерыв, попариться с девушками, а потом взяться за дело с новыми силами. Но в это время к нему подошел секретарь и сообщил, что Корявый привел того самого мента.

– Тяни их сюда, и больше никого не пускай. – Приказал Казиев и снова прикрывшись полотенцем. Подручный по кличке Корявый растительности на голове не имел, а кличку заработал за пристрастие прятать глаза за солнцезащитными очками. Их он не снимал, кажется, даже ночью. Небольшого роста, с длинными мускулистыми руками и шишковатым черепом, он производил по настоящему отвратительное впечатление. Но Казиев его примечал и много лет держал при себе. Недавно он поручил своему любимцу отыскать милиционера, уволенного из органов. Казиев затевал навестить ребят, открывших подпольный цех с фальшивыми дисками и, чтобы напугать владельца, желал иметь в банде настоящего мента. Помощник поручение Казиева выполнил. И сейчас происходило знакомство. Корявый подвел к хозяину плечистого русоволосого парня, с голубыми глазами и чуть застенчивой, едва заметной улыбкой.

– Мент? – Вместо приветствия, поинтересовался Казиев.

– Бывший. – Улыбнулся блондин.

– Ментов, бля, бывших не бывает, бывают только мертвые. Тебе Корявый объяснил, о чем базар?

– В общих чертах...

– Форму сохранил?

– Все он сохранил. – Ответил за своего протеже подручный Казиева: – И форму, и корочки. Только пушку сдал. Ему бабки нужны.

– Бабки, бля, всем нужны. Мент, а что ты вообще умеешь?

Блондин снова улыбнулся застенчивой улыбкой:

– Стреляю неплохо, машину вожу, могу с рацией на любую волну сесть, с взрывчаткой умею работать, сигнализацию немного знаю, в охране секу...

– Погоди, не тараторь. – Ибрагим задумался: – С взрывчаткой, бля, это хорошо. Ты, Корявый сколько ему обещал за цех с лохами?

– Пару штук обещал.

– Пусть корочки покажет.

Улыбчивый блондин засунул руку в карман и извлек милицейское удостоверение. Казиев раскрыл документ и внимательно рассмотрел. Блондин его успокоил:

– Настоящее, не волнуйся. Я его должен был сдать, да прикинулся, что потерял. Мытарили, но потом отмотался.

– Вот что, мент. Я тебя могу предложить десять штук баксов. Устроишь мне один салютик?

– За десять штук баксов он тебе Кремль подорвет, – ухмыльнулся подручный.

– На хера нам Кремль? У них, бля, свои заморочки, у нас свои. Ладно, дай ему штуку авансу, и пусть сидит ждет. А теперь идите на хер. Мне надо текст учить.

– Никак в школу намылился? – Удивился Корявый: – Зачем тебе? Ты же и так доктор наук.

– Я теперь, блядь, начальник избирательного штаба, а с этим народом матюгаться нельзя. Отучаюсь.

Подручный хохотнул для порядка и повел нового работника за собой. Казиев его остановил:

– Пусть мент в холле посидит, а ты мне еще, бля, нужен.

Корявый вывел блондина и быстро вернулся:

– Чего тебе?

– За что его уволили?

– Снял с казенной тачки движок и на свою поставил.

– На хера?

– Хотел пихнуть подороже. Он на игру подсел, долгов наделал. Сейчас в полной жопе.

– Значит, мудака. Слушай, Корявый, мне он нужен на один раз, а потом можешь его, бля, закопать.

– Нужно, закопаем. А что ты с ним задумал?

– Будешь, бля, много знать, яйца отсохнут, – ответил Казиев и снова принялся зубрить текст.

Мака на похороны своего бывшего телохранителя не явилась, ограничившись телеграммой соболезнования. Да и самих горожан проститься со своим мэром пришло немного. Даже из близких его проводила в последний путь только мама. Вдова лежала в больнице, а Руфина Абрамовна после известных событий слегла дома с сердечным приступом, и врачи ей вставать не разрешали.

Народ давно разошелся, и Голенев остался на кладбище один. Похороны Трофима его сердца не тронули. Отчима Ирочки он почти не знал, а вести о его пьянстве вызывали досаду. Но помимо свежей могилы последнего мэра, на глуховском кладбище покоился прах молодой жены Олега, Тони, друга детства Тихона Постникова и его приемной матери тети Гали. Женщина не надолго пережила Постникова. Узнав о трагедии с приемным сыном, сразу попала в больницу и больше из нее не вышла.

Все они были дорогие для Олега люди, и уход из жизни каждого из них оставил в его душе кровоточащий след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.